

НАСТОЯЩАЯ
САРАНИКА

ТИМ СКОРЕНКО
ЗАКОНЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭВТАНАЗИИ

Мир держится на ненависти / Мир держится на любви

Тим Скоренко

Законы прикладной эвтаназии

«Снежный Ком»

2011

Скоренко Т. Ю.

Законы прикладной эвтаназии / Т. Ю. Скоренко — «Снежный Ком», 2011

Вторая мировая, Харбин, легендарный отряд 731, где людей заражают чумой и газовой гангреной, высушивают и замораживают. Современная благополучная Москва. Космическая станция высокотехнологичного XXVII века. Разные времена, люди и судьбы. Но вопросы остаются одними и теми же. Может ли убийство быть оправдано высокой целью? Убийство ради научного прорыва? Убийство на благо общества? Убийство... из милосердия? Это не философский трактат – это художественное произведение. Это не реализм – это научная фантастика высшей пробы. Миром правит ненависть – или все же миром правит любовь? Прочтите и узнаете. «Давно и с интересом слежу за этим писателем, и ни разу пока он меня не разочаровал. Более того, неоднократно он демонстрировал завидную самобытность, оригинальность, умение показать знакомый вроде бы мир с совершенно неожиданной точки зрения, способность произвести впечатление, «царапнуть душу», заставить задуматься. Так, например, роман его «Сад Иеронима Босха» отличается не только оригинальностью подхода к одному из самых древних мировых трагических сюжетов, — он написан увлекательно и дарит читателю материал для сопереживания настолько шокирующий, что ты ходишь под впечатлением прочитанного не день и не два. Это — работа состоявшегося мастера» (Борис Стругацкий).

© Скоренко Т. Ю., 2011

© Снежный Ком, 2011

Содержание

Пролог	5
1	5
2	6
1. Накамура	7
1	8
2	10
3	15
4	19
5	23
6	25
7	30
2. Морозов	35
1	36
2	39
3	41
4	43
5	47
6	49
7	52
8	54
9	55
10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Тим Скоренко

Законы прикладной эвтаназии

Пролог

Ненависть

1

Мир держится на ненависти. Уверяю вас, именно на ненависти и ни на чём другом. Любовь – это сказки для детишек. Ради любви совершают подвиги, не спорю, но как только предмет любви исчезает, пропадает и само чувство.

А ненависть будет всегда. Даже если тот, кого вы ненавидите, уже двадцать лет как в могиле, вы всё равно будете его ненавидеть.

Ненависть – это топливо для сердец. Лигроин для душ.

Вот человек в очереди перед вами. Вас раздражает, когда он долго решает, что купить. Когда он считает деньги. Когда он флиртует с продавщицей. Ваши деньги уже наготове, вы отсчитали точную сумму, без сдачи, чтобы не задерживать очередь. А теперь вы вынуждены стоять и ждать из-за какого-то кретина. Это ненависть, будем знакомы.

Вас не пропустили на перекрёстке. Урод на «Бентли» проехал на красный свет, чуть не сбив вас. Вы идёте дальше и фантазируете на тему «что бы я с ним сделал, если бы догнал». Причём вы видите свои фантазии так чётко и реалистично, что они кажутся реальностью. Вот он тормозит в тридцати сантиметрах от вас. Выходит из машины и матерится. Вы подходите к нему, к этой толстой разевшейся хारे, и плюёте в него словами. Вы брызгаете на него слюной, вы материтесь в ответ, он отступает, а потом вы хватаете его за жирную шею и вписываете носом в капот. Когда вы представляете себе эту картину, ваши руки непроизвольно повторяют воображаемые движения.

Это ненависть.

Вы ненавидите человека, который толкнул вас в метро. Соседа, который наблевал в лифте. Продавца, который пересчитывает кассу вместо того, чтобы вас обслужить. Вы ненавидите гомосексуалистов и лесбиянок, евреев и нацистов, филологов и философов, вы взращиваете в себе ненависть, потому что она заставляет вас двигаться дальше. Она вынуждает вас барахтаться в молоке, превращая его в сметану.

Собственно, роман не об этом. Просто вы должны помнить, что всё, что делают герои этого романа, они делают не из любви, не из сострадания и даже не из алчности. Ими движет ненависть. Впрочем, она движет всем миром.

2

В этот день доктор медицинских наук профессор Алексей Николаевич Морозов принимает историческое решение. Он заходит в свой кабинет и открывает шкафчик с препаратами. Достает маленькую бутылочку с прозрачной жидкостью. Набирает её в шприц. Выпускает из шприца набравшийся вместе с препаратом воздух. Аккуратно кладёт шприц в нагрудный карман халата и покидает кабинет.

Каждый день вы едете на работу. Вы садитесь на «Багратионовской», едете по Филёвской линии до «Киевской», пересаживаетесь на кольцо, затем едете до «Проспекта мира», там переходите на Калужско-Рижскую линию и далее – до «Алексеевской». От выхода метро до Звёздного бульвара – ещё пятнадцать минут. Вы проходите по набитому подземному переходу, в котором таджики торгуют рыбой, а слепой саксофонист наигрывает «Yesterday», проходите мимо универсама «Азбука вкуса», сворачиваете на улицу Бочкова, проходите мимо ресторана «Тарас Бульба», мимо магазина «Магнолия», мимо троллейбусного депо № 5.

Вы встречаете огромное количество людей. По дороге вам совершенно не на что смотреть, кроме как на них. Конечно, вы обращаете внимание на огромный шпиль Останкинской телебашни, но лишь затем, чтобы понять, на какой высоте облака. Можно определить с точностью до метра.

Люди идут навстречу, обгоняют вас сзади или просто стоят на улице. Старушка с табличкой «асталась одна с внуком памагите», местный модник в нубуковых сапожках до середины икры и курточке с блёстками и поддельным мехом, широколицая киргизка за прилавком магазина, убирающий мусор служащий «Макдоналдса», серьёзный охранник в холле банка – всё это люди, которые живут рядом с вами. Которых вы видите каждый день. Но вы ничего не знаете о них.

Может быть, этот охранник каждый день до крови порет жену кнутом. Рукоять кнута соединяется с основной частью (полотном) при помощи металлического кольца. Таким кнутом не зацепишься за дерево, потому что он слишком толстый. Зато им можно перешибить бревно.

А вот эта киргизка убила своего ребёнка. Она просто вынесла его на улицу и выбросила в контейнер с мусором. Он не кричал, не ревел, его никто не заметил. Контейнер перевернулся в мусоровоз. Ребёнка спрессовало вместе с тоннами яблочных огрызков, использованных презервативов и чайных пакетиков.

А модник ещё десять лет назад, когда был мелким хулиганом, поджёг пьяного в подъезде соседнего дома. Старик получил девяностопроцентные ожоги и умер в больнице. Мальчишки смотрели, как мечется горящий человек, и смеялись, потому что он был похож на насекомое. На кузнечика, которого поливают кипящим целлофаном. На жука, в которого воткнули спичку.

Вы не знаете, что сделали эти люди, но вы знаете: чистых нет. Вы не знаете, когда мимо вас проходит убийца, когда – вор, когда – насильник. Вы знаете только, что они проходят мимо вас. Что они не трогают вас.

Когда мимо вас проходит доктор медицинских наук профессор Алексей Николаевич Морозов, вы видите серьёзного хорошо одетого человека 53–55 лет, в элегантном пальто, в шерстяной шляпе с неширокими полями (модель Vitafelt от Stetson). Он идёт немного вальяжно, но при этом сосредоточенно; он смотрит по сторонам, но не отклоняется от заданного направления и не отвлекается на пустяки. Он покупает в киоске газету «Известия», которую всё забывает выписать, и журнал «Папарацци» для двенадцатилетней внучки.

Вы и подумать не можете, что норма Алексея Николаевича – два убийства в неделю.

1. Накамура

Китай, провинция Биньцзян, июнь – август 1945 года

1

Суббота, около трёх часов дня.

Спальное место Накамуры в идеальном порядке. Кровать, полка для личных вещей: аскетическая обстановка. На полке – подставка для карандашей, стопка бумаги, ежедневник в кожаном переплёте. Накамура сидит на кровати, уставившись в стену. Обои – серые, грубые, на стене висит репродукция «Большой волны в Канагаве» Кацусики Хокусая. Накамура не позволяет себе большего, хотя любит Кацусику и готов повесить на стену все тридцать шесть видов Фудзи. Но есть такое понятие: дисциплина. Значит, он оставит только «Волну», но никогда не украсит остальные стены казармы другими репродукциями.

На всех напала полуденная дрема: Осами, Мицудзи, Санава – все спят. Кто-то читает книгу, кто-то в тысячный раз мусолит письмо от матери. Накамура тоже иногда получает письма от матери. Она гордится, что её сын служит в непобедимой японской армии, она верит в его будущее и в будущее своей страны. Накамура высылает ей деньги, около сотни иен в месяц. Это больше, чем её собственная зарплата. Остальные деньги Накамура кладёт на военную сберегательную книжку. Тратить деньги здесь негде. По Пинфаню особенно не поездишь.

Накамура рывком поднимается с кровати и подходит к окну. Первое время по субботам окна завешивались чёрными шторами снаружи, чтобы курсанты не видели заключённых. Теперь это не имеет смысла.

У него нет никаких дел в казарме, но до занятий ещё много времени, а просто так слоняться по территории базы нельзя. Он достаёт из кармана амулет, сжимает его в руке. Затем медленно выходит из казармы. У входа – часовая, Асагава. Он маленький и тихий, молчаливый. Асагава смотрит на Накамуру, но ничего не говорит: хочешь выходить – выходи. Отвечать будешь сам. Накамура идёт прочь. По мере приближения к центральным воротам его шаг становится чеканным.

На самом деле ему просто интересно. Он любит смотреть на то, как привозят «брёвна». Слово «марута», которым обозначают заключённых, пишется не так, как «бревно», да и произносится иначе. Но все говорят «брёвна», потому что так проще.

Мимо проходит маньчжур с тачкой. От маньчжура несёт падалью: наверное, вывозит мусор. Вся грязную работу делают маньчжуры.

У хозяйственного управления раздаются крики и лай. Везут.

У ворот кто-то из военной жандармерии, Накамура его не знает. Военные жандармы великолепно умеют забывать – и это одно из самых ценных их качеств. Хорошая память приравнивается к преступлению. Накамура пытается забыть лица людей в стеклянных камерах Иосимуры, но не может. Он пытается забыть мальчика, разложенного на органы. И самое главное – он пытается забыть Изуми. Но у него не получается, потому что Изуми – это сверкающий фонтан, запёртый в девяти квадратных метрах.

По двору идёт генерал-лейтенант Исии, Бог Войны. Его сверкающий автомобиль остаётся где-то позади. Накамура видит Исии крайне редко. Иногда зелёный открытый лимузин проезжает мимо, чтобы покинуть территорию базы. Впервые Накамура смотрит на идущего генерала.

Накамура боится, что его примут за шпиона. Он должен находиться в казарме до половины четвёртого, а затем идти в лабораторию. Но интерес перевешивает дисциплину – бывает и так. Очень жарко. Над Биныцзяном – солнце.

Исии о чём-то говорит с человеком из отдела Касахары. Зелёный грузовик разворачивается неуклюже, медленно. Это старый «Додж» тридцать третьего года, и снаружи он выглядит как обычная машина с тентом. Под тентом – металлический кузов без окон. Внутри нет

сидячих мест, только маты на полу и трубы отвода отработавших газов – в качестве отопления зимой.

Жандарм запирает ворота. Рядом с Исии появляется Иосимура. Подтянутый, худой, выглядит совсем юным (ему тридцать восемь), на носу очки с толстыми стёклами. Что за взгляд прячется под очками – лучше не знать. Самый страшный взгляд, самый мудрый.

Накамура интересно: впервые на принятии «брёвен» – сам генерал-лейтенант, начальник базы, и полковник, начальник одной из групп Первого отдела. Значит, предстоит что-то серьёзное. Привезли заключённых для каких-либо спецопераций.

Их начинают выводить: с завязанными глазами, в наручниках, одного за другим через узкую дверь в заднем торце кузова. Мужчины, женщины – китайцы. В основном, партизаны и враги Японии. Накамура знает, что попадаются и простые местные жители, но это необходимый процент брака. Самое страшное, что Изуми, его сияющий фонтан – не ошибка, никак не ошибка.

Их выводят и строят. Они ничего не понимают – думают, плен. Думают, их будут пытаться выбивать из них информацию. Может, они сумеют спастись. Есть такие, кто знает, зачем их сюда привезли, но и они таят надежду на спасение. Надежду, которой нет.

В принципе, они уже расписаны. Иосимуре нужны человек десять мужчин, женщины его сейчас не интересуют. Такахаси и Футаки тоже поистратились, нужно пополнение. «Брёвна» строят и тычками ведут к небольшой двери в огромном массиве лабораторных корпусов.

Если Накамуру заметят, он сделает вид, что был в храме, а теперь возвращается в казарму. Он хорошо видит происходящее через забор с колючей проволокой, опоясывающий главное здание.

Последняя шестёрка «брёвен» отличается от первых тридцати-тридцати пяти человек (Накамура не считал точно). Они не китайцы. Китайцы дают общую картину, но для частных случаев нужно рассматривать также представителей других рас. Когда война окончится, Японии понадобится знание их особенностей.

Их шестеро, всего шестеро – и это «брёвна», но «брёвна» высшей ценности. Двое рослых, светловолосых, в русской армейской форме. Иваны. Накамура слышал – они придумали смешное слово «ходя». Они называют так и китайцев, и корейцев, и японцев. Это унижительно.

Невысокий мужчина с чёрными волосами. Национальность не определить. Гражданский.

Ещё двое похожих, мужчина и женщина, кожа тёмная, глаза круглые. Индусы, что ли.

И девушка. Высокая, очень высокая. Она стоит рядом с Иосимурой, который кажется карликом в сравнении с ней. Огромные впалые глаза, чёрные круги вокруг них закрывают поллица. Они выглядят естественно, точно причина вовсе не в недосыпе или недоедании. Нос смешной, острый, как у птицы. Губы тонкие. Крупная, но стройная; под бесформенной на несколько размеров больше кофтой вырисовывается грудь.

Накамура рассматривает её внимательно. Некрасивая, думает он. Тут же его сердце сжимается – при мысли об Изуми. Она маленькая, тонкая, печальная. Накамура мечтает вызволить её, но никогда не позволит себе подобного. Потому что солдат есть солдат. Не страх перед кемпейтай, не опасность останавливают его, а собственная совесть. Он ненавидит себя за то, что наделил «брёвно» именем.

Пятерых иностранцев уже уводят. Исии Сиро, высокий, в круглых очках, с реденькой бородёнкой и пышными усами, что-то говорит. Девушку с кругами под глазами отделяют от остальных, её конвоируют за генерал-лейтенантом. Исии разговаривает с ней. Накамура не может разглядеть, отвечает ли она. Возможно, отвечает.

Двор пустеет. Грузовик уезжает в глубь базы. До занятий остаётся около десяти минут.

2

Курсанты играют с крысами. Сопляки – разводят бактерии чумы в аппаратах Исии, но не всегда понимают, зачем нужны «брёвна». Их гложет тоска по Японии, они клянут себя за то, что отправились в Маньчжурию. Зато здесь больше платят. Далеко не у всех есть допуск к лаборатории.

Накамура кажется, что он – другой. Полгода работы в отряде 731 закаляют человека. Перестаёшь бояться трупов, перестаёшь воспринимать «брёвна» как людей. Их учили именно так. Вечером курсанта вызывали и приводили в комнату, где на операционном столе или просто на полу лежал труп. Тачка ждала в коридоре, задача – вывезти. Трупы были самые разные. Чудовищно взбухшие, покрытые язвами и рубцами. Аккуратно распотрошённые, залитые кровью. Лишённые конечностей, обмороженные. Сначала нужно было помочь ассистенту окунуть тело в раствор карболовой кислоты, а затем взять тело и отнести его к тачке. По коридорам труп приходилось везти до крематория, там сдавать его в руки работнику огня и меча. Меча – потому что иногда трупы рубили перед тем, как сбрасывать в отверстие пышущей жаром шахты.

Труба крематория – одна из самых высоких в Японии. Хотя Маньчжурия – это Китай, но база – это всё же японская территория. Трубу видно отовсюду, но пассажиры поездов харбинских железных дорог думают, что проезжают мимо завода. Всё равно ближе чем на пять километров к базе подъехать невозможно.

Младших курсантов пока что не подпускают к людям. Крысы, свиньи, собаки – это для них. Техники-лаборанты читают общие лекции – по истории отряда, по принципам применения бактериологического оружия. Войдя в лабораторию, Накамура вежливо здоровается с Санаравой, рассказывающим курсантам о газовой гангрене и её особенностях. Накамура занимается по свободной программе. Книги нельзя выносить из лаборатории, поэтому приходится параллельно слушать Санараву, хотя его лекцию Накамура и так знает наизусть.

Появляются Осами, Мицудзи и Кокен, соратники Накамуры. Им тоже предписано самостоятельное изучение надлежащих предметов.

Библиотека обновляется каждую неделю. В большие альбомы вклеиваются новые фотографии с комментариями врачей. Накамура дружит с одним из сотрудников съёмочной группы. Они – единственные, кто может свободно перемещаться по территории базы и бывать внутри бараков с заключёнными равно как и в испытательных лабораториях. Таким же правом раньше обладали и метеорологи (в 731-м их было двое), но когда один из них погиб от чумы да ещё чуть не разнёс её по базе, метеослужбу уравнили в правах с обычными солдатами.

На этой неделе – свежие снимки. Синдромы газовой гангрены, чумы, холеры, брюшного тифа, дифтерита, туберкулёза, сапа. Обмороженные конечности. Лица, ошпаренные кипятком.

А вот данные от харбинского отделения – там проверяли, сколько времени человек может продержаться без пищи и воды.

Накамура читает и рассматривает материалы с полным спокойствием. Он не видел Изуми уже неделю, но не позволяет себе мысли о том, что её больше нет. Может, она просто ждёт своей очереди – тогда есть надежда. Нет надежды. Есть-нет-есть-нет, это вертится в голове Накамуры, и он перестаёт понимать суть написанного в отчётах харбинского отделения.

В лабораторию заходит незнакомый Накамуре офицер, судя по знакам отличия, полковник.

Санарава отдаёт честь, смотрит вопросительно.

«Тут только малыши? – интересуется полковник. – Мне нужен подготовленный лаборант».

«Накамура!» – вызывает преподаватель.

Накамура встаёт. Он очень надеется, что увидит Изуми. Возможно, ему придётся работать неподалёку от камер.

«Я рекомендую Накамуру, – говорит Санарава. – Был отличным курсантом, сейчас один из самых дисциплинированных и старательных лаборантов».

«За мной».

Незнакомый полковник немногословен. Накамура едва поспевает за ним.

«Ты знаком с работой доктора Иосимуры?» – «В общих чертах». – «Подробнее».

Полковник шагает так, точно не успевает на поезд. На каждый его шаг приходится три шага Накамуры. Последний вспоминает, что бывал однажды в отсеке, где работает Иосимура. Лаборатория № 5 – табличка на двери, и больше ничего. Но он не видел опытов, только пустую лабораторию.

«Прежний лаборант в госпитале с тяжёлой травмой. Один из заключённых разбил ему голову куском батареи, который прятал в камере под матрасом. Ты будешь записывать всё, что говорю я, а также доктора Танава, Томиока и Иосимура. Я – доктор Мики».

Накамура немного путается в именах. «Доктор Мики», – повторяет он про себя.

Они проходят через общий отдел, минуя знакомые Накамуре лаборатории чумы, холеры, туберкулёза, затем идут по коридору к внутренней тюрьме. Этот коридор Накамура помнит смутно, но именно через него приходилось возить тела в крематорий.

Здесь он впервые увидел Изуми. Её вели, хрупкую, но гордую, из тюремных камер в одну из бактериологических лабораторий. Она пережила чуму, выдержала, выдавила из себя, как гной из лопающегося бубона. И потом, гораздо позже, она осталась на полчаса наедине с Накамурой, курсантом-сторожем. Ей хотелось говорить – почти все её соседи по тюрьме были китайцами, не понимавшими по-японски. Она была единственным «бревном» японского происхождения. И ей хотелось говорить на родном языке.

Спросите у Накамуры, как выглядит Изуми. Он не сможет описать её, будто у него отнимается язык, только слово-ассоциация, «фонтан», сорвётся с его губ. Он влюбился в неё такую – истощённую, измученную, покрытую струпьями.

В её камере есть окно, и Накамура может добраться до него, чтобы подбросить записку с камешком. Она высовывает через прутья решётки нос, больше ничего не проходит, и Накамура любит этим носом и шлёт ему, носу, воздушные поцелуи. Этот самый послушный, самый аккуратный лаборант.

Они минуя тюрьму и попадают в вотчину Иосимуры. Здесь страшно, очень страшно. Нет, никаких криков, никаких искажённых лиц и изувеченных тел. Страх врос в стены, страх лежит на полу, подобно тени.

Вот и лаборатория № 5. Они поднимаются на второй этаж блока «ро», центрального здания.

Стеклянные стены.

«Вы готовы приступить к работе сразу же, лаборант Накамура?» – спрашивает Мики. «Готов, доктор Мики».

Для Накамуры непривычна работа без защитного костюма. В лабораториях с животными и в чумной лаборатории Такахаси нельзя и шагу ступить без маски и спецодежды. Здесь все просто в халатах и перчатках, некоторые – в шапочках.

Стеклянные стены камеры для испытаний. Спиной к вошедшим стоит невысокий человек в очках. Иосимура, которого Накамура так боится. Даже всемогущий Исии Сиро не представляет такой опасности. Исии где-то далеко.

Иосимура оборачивается. Его взгляд на удивление мягок.

«Лаборант старший лейтенант Накамура Кодзи по вашему распоряжению прибыл!»

«У вас пять минут на изучение записей вашего предшественника, – строго говорит Иосимура. – Они лежат на столе, ручка – тоже».

Накамура смотрит на записи: стандартные описания симптоматики заболевания. В данном случае – обморожения. Смотри и записывай.

Рядом с Иосимурой – фотограф из съёмочной группы и человек с переносным мольбертом. Зачем нужен художник при наличии самой современной фототехники, Накамура не знает.

«Я готов, господин полковник». – «Называйте меня доктором».

Они все – все эти начальники, Минато, Танабэ, Ногуты, Такахаси – не любят своих званий, точно стесняются их. Они называют себя врачами. Как себя чувствует врач, отнимающий жизнь? Когда какой-нибудь ассистент впрыскивает «бревну» сыворотку с бактериями чумы, что он чувствует? Он убивает, убивает безжалостно. «Мы на войне», – говорит его внутренний голос. Нет, дружок, мы не на войне. Мы в госпитале, и эти люди ничего тебе не сделали. Вводи им тиф, бросай в них бомбы с возбудителями газовой гангрены, выкачивай из них кровь, вводи им воздух в вены. Смотри, как они себя ведут, и записывай, записывай, не упusti ничего, дружок.

За стеклом три человека, все китайцы. Мальчишка лет десяти, молодой человек лет двадцати пяти и мужчина лет пятидесяти. На всех троих только набедренные повязки. На лодыжках и запястьях – датчики, датчики на груди, на шее, на голове. На полу лежат мягкие маты, но стены и потолок камеры – металлические.

«Понижаем».

Рука Иосимуры тянется к тумблеру на небольшом пульте. Два лаборанта что-то настраивают.

Люди за стеклом начинают подёргиваться, самый старший что-то говорит, но слов не слышно.

«С их стороны – отражающая поверхность», – тихо поясняет Мики для Накамуры.

Накамура внимательно следит за происходящим. Его рука строчит автоматически. Температура в «холодильнике» – плюс десять градусов. Иосимура снижает ещё на пять.

Людам холодно. Мальчик и молодой человек пытаются прижаться друг к другу, но у них не получается. Только тут Накамура замечает, что руки и ноги подопытных связаны, ступни пристёгнуты к полу. Заключённые не могут придвинуться друг к другу.

Накамура описывает их поведение. Почему они не падают, думает он. Потом он видит тонкие столбы, к которым привязаны подопытные. Точно прочитав мысли Накамуры, Мики поясняет:

«Столбы из непроводящего холод материала, это не металл».

Температура падает до нуля.

Подопытные корчатся. Ноль градусов не кажется комфортным тепловым режимом, когда на тебе только набедренная повязка.

«Ветер?» – спрашивает один из ассистентов.

Иосимура жестом показывает: нет.

Художник бездействует. Фотограф снимает со вспышкой примерно раз в минуту. Накамура оборачивается: есть ещё человек с видеокамерой. Он появился незаметно.

Минус пятнадцать. Это уже по-настоящему холодно.

Большинство опытов по обморожению проводится зимой. Однажды Накамура видел с крыши общего корпуса, как людей выгоняли на двадцатиградусный мороз и поливали водой. Сегодняшний опыт направлен, скорее всего, на изучение поведения человека при постепенном понижении температуры. И на фиксацию момента смерти.

Накамура думает о том, как бы он отреагировал, если бы в камере перед ним корчилась Изуми. Он трясёт головой, отбрасывая страшную мысль. Где-то в глубине его пожирает червь: она умрёт, она всё равно умрёт.

Минус тридцать. Холодно, очень холодно. Если на такой мороз выставить руку человека, предварительно политую водой, начнётся обморожение. В сухом воздухе лаборатории обморожение невозможно. Пока.

Мальчишка что-то кричит, немо, беззвучно. Фотограф снимает. Старший мужчина безвольно висит на столбе – он понял, что проще застыть и принять смерть.

На одном из циферблатов высвечивается показатель влажности. Низкая, шестьдесят три процента. Над пультом – часы. Лаборант что-то записывает посекундно. Накамура старается не упустить ни одного движения, тоже пишет, пишет, пишет. Фотограф снимает.

Минус тридцать пять. Непонятно, жив ли старший. Парень и мальчишка бьются в путах.

Накамура смотрит на журналы, лежащие перед ним. Один открыт. Заголовок: выживаемость при минус двадцати градусах. Возраст, пол каждого подопытного, время до смерти. Заморожено, судя по записям, двадцать два человека. А вот выживаемость при минус сорока – через несколько страниц.

То, что пишет Накамура, называется «Выживаемость при понижении температуры на 5 градусов каждые 60 секунд».

Неожиданно Накамура осознаёт, что ему непонятен смысл подобных экспериментов. Когда между привязанными к столбам китайцами на полигоне Аньда бросали фарфоровые бомбы, начинённые возбудителем газовой гангрены, это было логично. Испытание оружия на непосредственной мишени имеет смысл. В чём смысл выяснения выживаемости китайцев? Ведь у японцев будут совсем другие показатели. Японцы. Изуми.

Минус сорок.

«Старик почти», – говорит лаборант. Иосимура пристально смотрит на старика.

Минус сорок пять.

В этот момент Накамура понимает, насколько рутинной стала для него подобная работа. Точно так же он фиксировал симптомы чумы у крыс, потом у свиней и собак. Потом точно так же – у людей. Никакой разницы. Он просто механизм, у него нет души. Правда, есть ещё одно «но»: «брёвна» – не люди. Они – материал, обычный материал, из какого строят дома, шьют одежду, делают мебель. Нет, стоп. Из этого материала делают оружие. Фарфоровые бомбы.

Накамура пишет механически, он фиксирует показания приборов и при этом думает совершенно о другом. Сколько там уже «минус» – он не знает, хотя его руки пишут: «минус тридцать».

Мальчишка расслабился, как ранее старик. Только парень ещё продолжает вяло шевелиться в путах.

Минус пятьдесят пять.

«Старик всё. На удивление слабый».

Накамура неожиданно просыпается и снова начинает осознавать происходящее. За прозрачной перегородкой мёртвый старик висит на своём столбе, посиневший, застывший. Минус пятьдесят пять, всего тринадцать минут, чтобы убить человека. Нет, чтобы проверить реакцию «брёвна», как-то так.

Мальчишка умирает при минус шестидесяти пяти, парень дотягивает до минус восьмидесяти. Иосимура поворачивается к Накамуре, заглядывает в записи.

«Хороший почерк, – говорит он. – Где ты такого взял, полковник?»

«У Санаравы. Ты из какой группы?»

Накамура вскакивает.

«Лаборант группы Такахаси Накамура Кодзи».

«У Такахаси достаточно людей, – медленно произносит Иосимура, – а мне нужен толковый ассистент. Так что будешь тут. Кодзи, хм...»

Накамура не понимает, что хотел выразить новый начальник этим хмыканьем.

«Пойдём, Кодзи, посмотрим на наши объекты».

Иосимура небольшого роста, у него круглое лицо и зализанные назад волосы. Очки в толстой чёрной оправе. Они заходят в помещение, где только что в агонии корчились люди. Тут очень холодно, но уже, конечно, не минус восемьдесят. Вслед за ними в камеру заходит и один из ассистентов, а затем и художник.

Иосимура дотрагивается до одного из тел.

«Мягкий», – говорит он тихо.

В этом есть что-то жуткое.

3

Накамура, старший лаборант группы Иосимуры, смотрит на своих соседей по казарме немного свысока. Всё-таки его повысили, а они всё ещё ходят в младших. Впрочем, никто не обижается. Маньчжурский отряд 25202 – лучшее место для карьеры. Название сменилось ещё в начале года, для конспирации, но «731-й» как-то привычнее.

Накамура идёт через весь корпус «ро», через всё это огромное здание, мимо крематория, к камерам.

«Отбор», – говорит он часовому, и волшебное слово срабатывает. Часовой отдаёт под козырёк, Накамура проходит в арестантский блок.

Поворот направо, в секцию «ха», ещё один часовой, решётка – и вот он, ряд камер.

Камеры – примерно по десять квадратных метров, с земляным полом, лежанкой и парашей. Двери железные, двойные, с окошечком. Через окошко подают пищу. «Брёвна» кормят очень хорошо – свежее мясо, хлеб, сыр, зелень, овощи и фрукты. Нужно, чтобы они были здоровыми и сильными – для чистоты эксперимента.

Собственно, на базе вообще кормят прекрасно. Если бы Накамура мог, он пересылал бы матери не только деньги, но и еду – он просто не может столько съесть. Свинины – сколько угодно, сладкие пироги, фрукты. Только иногда – варёный гаолян для очищения желудка.

Накамура подходит к нужной камере – № 14, за поворотом. Тут содержится Изуми. Она живучая. Она сумела победить чуму, и больше её пока не трогают – нужно, чтобы она полностью восстановилась для следующих экспериментов. Она восстанавливается слишком быстро: Накамура умоляет её болеть чуть дольше, он просовывает ей слабительное через отверстие в двери, пусть её лучше несёт несколько раз день, зато точно не заберут на исследование тифа или риккетсий.

Он открывает окошко.

«Изуми», – шепчет он.

Её лицо перед лицом Накамуры. Она очень красива, хотя измождена. Она намеренно поддерживает себя в таком состоянии. Лишнюю еду она передаёт Накамуре. И ещё она много курит. Заключённым выдают по одной пачке в три дня, но Накамура снабжает её сигаретами, крепкими, американскими «Лаки Страйк». И ещё он передаёт ей купленное в магазинчике при базе нихонсю – чтобы вызывать похмелье. Всё это для того, чтобы она могла жить.

Она кладёт руку на полочку, куда ставится еда. Он накрывает её руку своей.

Изуми на удивление хорошо говорит по-китайски. Её взяли, потому что она показалась подозрительной, на улице Харбина. Схватили и отвели к какому-то подполковнику, который долго её расспрашивал, а потом отдал на поругание солдатам. «Шпионка! – сказал он. – Изменница!» Накамура не знает, чему верить. «Я просто жила в Китае, потому что мне так хотелось», – говорила она. «Во время войны?» – спрашивал он. «А почему бы и нет?»

Эта её безрассудная смелость бросила её в железные объятия отряда 731. Она всё делала неправильно. Она плюнула в лицо тому подполковнику, она не отвечала на вопросы, она проявила характер. Что ж, вот он, твой характер, девочка, тонет в чуме и тифе.

Она могла бы не стараться выглядеть больной. Она могла бы кричать: я здорова, пытайте меня дальше, вводите мне свою дрянь, я сдохну, пусть я сдохну. Но она не делала этого – потому что был Накамура, и он просил её жить. Ради этой просьбы она ела слабительное и курила по три пачки в день.

«Здравствуй», – говорит Накамура.

Она слабо улыбается. В этой улыбке – приветствие.

Она не любит его, но у неё нет никого другого. Накамура этого не замечает.

«У нас пара минут». – «Ты платишь чьей-то жизнью за право увидеть меня ещё раз».

Он не может просто выйти отсюда, миновать часового, вернуться в лабораторию или в казарму. Он может выйти только с конвойным, чтобы оправдать своё присутствие. Это дорого стоило – втереться в доверие к Иосимуре, причём настолько, что тот стал посылать лаборанта за «брёвнами».

Сейчас нужны две женщины – китайка и, желательнее, русская. Если нет – можно кого-то из монголоков, их три или четыре. Накамура вспоминает девушку, которую увёл некогда с собой Исии Сиро. Высокую, с чёрными волосами и кругами под глазами. Её нет в общих камерах. Может, её нет вообще нигде. Её прах – в общей могиле, без имени.

Женщин нужно привести не в лабораторию № 5, а вывести на северный двор. Предстоит поездка к «ящику смерти». Всё это довольно необычно, поскольку для «ящика смерти» чаще всего используют отходы. Искалеченные «брёвна», не годные для обычных экспериментов.

«Прости меня», – говорит Накамура.

«Ничего».

Изуми знает, что никто не вытащит её из камеры – ни Накамура, ни сам Господь Бог.

«Война скоро окончится. Говорят, что Япония терпит поражение», – говорит Накамура.

Она улыбается.

«Моя смерть – вклад в нашу победу». – «Я не хочу победы».

Ты врешь себе, Накамура? Чего ты хочешь, победы или любви?

Он не отпускает её руку. Через отверстие виден кусок стены камеры. К стене прикреплена сигаретная пачка, на которой висит потёртая куртка Изуми.

«Чем ты её приклеила?»

«Рисовыми зёрнами».

Перед глазами Накамуры встаёт Изуми, которую вскрывают заживо. Сначала заражают тифом, а потом кладут на операционный стол и вскрывают, чтобы посмотреть, как болезнь проходит внутри организма. Человек живёт так ещё несколько дней.

В Средневековье существовало поверье о живом компасе. Собаке наносили рану холодным оружием. Оружие оставалось в портовом городе, а собаку держали в трюме корабля, причём ране не давали зажить. Оружие, лежащее на круглой подставке, всегда показывало направление, в котором шёл корабль. Оно рвалось закончить своё дело, добить зверя.

Двадцатый век вернул это поверье в лаборатории 731-го отряда. В цивилизованную высокотехнологичную Японию. Незаживающая рана на теле человека – она же незаживающая рана на теле страны. На теле человечества.

«Пора».

Они могут прикоснуться губами к губам – нужно просто нагнуться. Но нет – Изуми уже исчезает в глубине камеры, Накамура идёт дальше.

Он выбирает двух женщин. Русских, как назло, нет. Приходится брать монголоидную девушку лет двадцати, крепкую, цепкую, злую. С помощью часового он надевает на неё наручники. Китайка покорна, она идёт сама.

Часовой открывает двери камер и помогает довести «брёвна» до выхода. В принципе, за заключёнными должны идти двое, но Накамура уже не раз доказывал, что спокойно справляется один. Доверие Иосимурэ ему на руку.

Он проходит лабораторный блок насквозь. Тут его ждёт открытый джип. За рулём, как ни странно, Мики.

«Надо поторопиться, остальные уже в пути».

«А где шофёр?»

«В госпитале».

Слишком много заболевших среди солдат и вольнонаёмных. Нельзя работать со штаммами опасных болезней и быть абсолютно чистым. Однажды в лаборатории разбилась пробирка с возбудителем газовой гангрены в питательной среде. Трое пострадали: у одного –

спина, у другого – ноги, у третьего – лицо. Последний смотрел на себя в зеркало – уже после лазарета – и не мог жить. Он повесился в казарме, когда там никого не было, на рукаве собственной рубахи.

Накамура не решается спросить, далеко ли ехать. Он солдат, его работа – выполнять приказы.

Джип выезжает из северных ворот и сворачивает на восток.

«Бывал там?» – спрашивает Мики дружески.

«Нет».

Он только слышал о «ящике смерти». Последнее пристанище выживших.

Джип едет довольно быстро, свежий ветер из окон раздувает волосы женщин. Они сидят в заднем отсеке, отделённом от пассажирского салона решёткой. На них наручники, глаза завязаны, во рту у каждой кляп.

Асфальт исчезает, дорога становится песчаной, а затем практически исчезает. Джип едет по полю, впереди виднеется частично обрушившийся забор из красного кирпича. Местами он густо покрыт плющом, местами в проломах растут кусты. Ворота нет, хотя когда-то они были: ржавые металлические решётки валяются в траве по обе стороны большого пролома в стене.

За забором – заброшенные здания складов. Грязные, с облупившейся краской, с проваленными крышами.

Мики, не снижая скорости, въезжает в чёрный провал ворот в одном из зданий. Огромное помещение, на бетонном полу – лужи, серые колонны, оскаленная арматура. Мики останавливает джип у маленькой двери, теряющейся в массиве стены. Вокруг – солнечные зайчики. Они отражаются от луж и переливаются всеми цветами радуги.

Дверь – перекошенная, с облупившейся краской. Мики и Накамура выводят женщин из джипа. Мики достаёт ключ и вставляет в едва заметную замочную скважину, открывает. За дверью – аккуратный ухоженный коридор, будто они снова на территории базы отряда 731.

Мики идёт первым, толкая перед собой китаянку. Монголку ведёт Накамура. Он осматривается по сторонам – ничего особенного. Двери, двери, двери.

Мики сворачивает направо: лестница. Два этажа вниз. Монголка пытается побежать назад, оттолкнув Накамуру, но получает сильный тычок в живот, сгибается.

Лаборатория сильно напоминает комнату № 5. Накамура осматривает помещение. Вот смотровое стекло, вот пульт управления. В комнате – десять человек. Сам Иосимура, два лаборанта, оператор с кинокамерой, Накамура с Мики, два простых солдата Квантунской армии и ещё два незнакомых офицера.

Иосимура знаком показывает на зарешеченное помещение на другом конце лаборатории. Там за стальными прутьями – подопытные, четыре человека. Трое – измождённые, кожа да кости, один – без рук. Обрубки кое-как замотаны тряпками, но крови нет: руки он потерял давно. Исследование обморожения конечностей – так это называется. Женщин вталкивают к ним.

Накамура снова превращается в робота. Полчаса назад – с Изуми – он был человеком. Сейчас он – механизм, аппарат по проведению эксперимента. «Брёвна» – расходный материал.

Одного из измождённых китайцев выводят из клетки. Иосимура о чём-то тихо говорит с незнакомым офицером. Проскакивают отдельные слова: концентрация, чай, жёлтый, синий.

Накамура понимает, о чём речь: это газы. Чай – цианистый водород, синий – фосгеноксим, жёлтый – иприт или люизит.

Стеклокамера – маленькая, метр на полтора, не больше. В неё ведут узкие рельсы, на которых стоит вагонетка. Измождённого сажают в вагонетку – он почти не сопротивляется, привязывают к поручням. Откуда-то из боковой комнатки (Накамура не успевает заметить, откуда) появляется человек с двумя спеленатыми, но живыми голубями. Он привязывает их

за лапки к тому же поручню, отпускает. Голуби легко сбрасывают тряпки, стягивавшие им крылья, начинают биться на привязи.

Вагонетку вкатывают в стеклянную комнатку, закрывают дверь, проверяют герметичность. Двое солдат молча стоят и ждут команды.

Незнакомый офицер что-то говорит Иосимуре, тот вращает вентиль. Судя по всему, регулируют концентрацию. Иосимура резко говорит: «Пошли!» Солдаты с видимым усилием тянут на себя что-то похожее на рукоять. Камера постепенно наполняется газом. Оператор снимает. Секундомер отсчитывает время.

Человек в вагонетке смотрит на своих мучителей мутными глазами, а затем открывает рот и вдыхает полной грудью. Его раздрает кашель. Голуби бьются. На лбу подопытного взбухают вены, его лицо багровеет. Оператор снимает.

Накамура нигде не видит художника. Он уже знает, зачем тот нужен. Кинокамера не передаёт цвета, цветные фотографии тоже часто искажают реальность, да и цветной плёнки постоянно не хватает. Задача художника – в точности передать цвет холодных ожогов при обморожении, химических травм и так далее.

Человек бессильно облокачивается на борт вагонетки. Цвет его лица напоминает цвет сырого мяса. Один голубь тоже мёртв, второй ещё шевелит крылом – это агония.

«Четырнадцать с половиной».

Меньше четверти минуты, а кажется, целая вечность.

Накамура смотрит на остальных подопытных. Рот монголки заткнут, но в глазах её – не страх, а ненависть. Такая ненависть, что Накамуре самому становится страшно.

4

Они идут по коридору впятером: Иосимура, Мики, Накамура и два безымянных солдата Квантунской армии. Да, ещё две женщины, но они не люди, а «брёвна», считать их незачем. Иосимура сворачивает в малозаметную дверь слева. Накамура бы прошёл мимо – даже ручки на двери нет.

Небольшой холл, широкие металлические двери, цифровой код, большая красная кнопка. Это лифт.

Иосимура набирает код, затем нажимает кнопку. Лифт большой, человек на двадцать.

Они едут вниз. Накамуре кажется, что очень долго. Сколько же подземных этажей может прятаться под невзрачными развалинами склада? Другой вопрос: почему подземный комплекс построен тут, а не под основной базой отряда 731?

Всё, прибыли. Снова предбанник, затем короткий коридор, затем – большое помещение.

Накамура осматривается. В центре – нечто вроде гроба со стеклянной крышкой.

Накамура представляет себе, как в этот «гроб» кладут живого человека, как закрывают крышку, как он корчится от боли. Может быть, это очередное устройство для исследования возможностей человека при откачивании воздуха из герметичного помещения. Сначала набухают вены, глаза выступают из орбит, потом человека разрывает изнутри. Стены таких камер всегда покрыты кровью и мясом. Накамура видел подобный опыт лишь однажды.

Нет, тут что-то другое. Слишком много трубок, датчиков, циферблатов. Помещение огромное. В дальнем углу жужжит огромная машина, похоже, автономный генератор. Энерго-независимость.

«Лаборант Накамура, – Иосимура смотрит прямо в глаза. – Я выбрал вас, потому что вы исполнительны, умны и молчаливы. Особенно мне нравится последнее. Доктор Мики в курсе всего, а солдаты – глухонемые. Вы – третий человек, которого я допускаю к данным опытам».

Накамура думает о тех, кто построил всё это. Кто привёз сюда генератор, кто установил лифт, сконструировал странную машину в центре помещения.

«Их больше нет, лаборант Накамура», – говорит Иосимура.

Точно мысли читает, думает Накамура.

«У вас слишком подвижное лицо, лаборант. По нему можно прочесть всё, о чём вы думаете, точно по напечатанному тексту».

Накамуре становится смешно. Тоже мне читатели. Они могут прочесть всё, кроме самого главного. Кроме Изуми.

Ничего не отражается на его лице, когда он думает об этом.

Иосимура обходит странную установку. Накамура подходит ближе и смотрит внутрь «гроба». Там, под стеклом, лежит человек. Его брови и ресницы покрыты инеем. Жив ли он – непонятно.

«Вы знакомы с понятием «анабиоз», лаборант?»

«Так точно. Анабиоз – это временное прекращение жизнедеятельности организма, такое его состояние, когда все жизненные процессы настолько замедлены, что видимые признаки жизни отсутствуют. Тем не менее при возникновении благоприятных...»

«Хватит, лаборант. Вижу, что читали учебники. Что вы лично думаете об анабиозе? Если забыть о теоретических выкладках?»

«Я думаю, он возможен», – Накамура и сам поражается своей смелости.

«Правильно думаете», – Иосимура улыбается. Улыбка кажется зловещей.

«Многие животные, – говорит он, – впадают зимой в состояние гибернации, то есть спячки. Температура тела у них снижается. У крупных – на пять, максимум десять градусов. У мелких, вроде сусликов, она может падать практически до нуля. Почему так не может суще-

ствовать человек? Я задал себе этот вопрос. Можно ли погрузить человека в сон и сохранить его тело неизменным?»

Это никак не пересекается с назначением отряда 731. Никакого бактериологического оружия, никаких бомб и убийств. Накамура весь внимание.

«Помимо нас с доктором Мики, о проекте знает генерал-лейтенант Исии и его братья – Такэо и Мицуо. Генерал Исии и стал инициатором проекта. Дело в том, что у генерал-лейтенанта – рак горла. Он может прожить ещё пять-шесть лет, но не более. Помимо того, ему уже пятьдесят три года, немало. Анабиоз позволит ему – а впоследствии и нам – дожить до момента, когда болезни и старость будут побеждены. Когда начальником отряда был генерал Масадзи Китано, мы были вынуждены прекратить исследования, но возвращение генерала Исии дало нам новую надежду».

Иосимура произносит свою речь с воодушевлением, и Накамура узнаёт этот стиль. Так ведёт себя перед солдатами сам Исии. Он расхаживает по сцене с микрофоном и говорит бурно, восторженно, размахивая руками.

Накамуре хочется сказать что-то вроде: «Не нужно меня вдохновлять, я и так буду делать то, что нужно». Но так сказать нельзя.

Иосимура снова читает мысли лаборанта.

«Но хватит, – говорит он. – Давайте работать».

Он подходит к саркофагу с противоположной от входа стороны. Солдаты отошли к стене. Они поставили женщин на колени и не дают им вырваться. Мики также подходит к саркофагу.

«Наблюдайте, Накамура», – говорит он.

Иосимура повышает давление внутри саркофага (Накамура видит циферблат с единицами измерения – паскалями). Затем медленно поднимает температуру. На стекле появляются капли конденсата.

«Если он жив, – говорит Иосимура, – значит, мы победили».

Процесс оказывается довольно длительным. Накамура думал, что Иосимура сейчас откроет крышку саркофага и человек внутри тут же проснётся. Но это не так. Доктор садится около пульта и молча смотрит через запотевшее стекло. Раз в две-три минуты он протягивает руку и чуть-чуть поворачивает какие-то датчики. Солдаты затапливают женщин в небольшую клетку в дальнем углу помещения.

Молчание уже раздражает Накамуру. Иосимура чувствует нетерпение лаборанта.

«Да, это не быстро, Кодзи. Выводить показатели на нормальные нужно постепенно, в течение примерно часа. Потом как минимум час подопытный будет отходить от состояния анабиоза. Теоретически».

«Были ли уже успешные опыты?» – спрашивает Накамура.

«Пока нет. Но будут».

Мики тоже садится и жестом показывает Накамуре: можно. Тот находит глазами свободный стул и опускается на него. Солдаты остаются стоять.

Время тянется необыкновенно медленно.

«Но ведь можно выяснить, жив или мёртв подопытный, сразу же по открытии саркофага...» – говорит Накамура.

«Мы так и делаем – пока. Нет смысла ждать, пока мертвец придёт в себя».

Накамура неотрывно смотрит на саркофаг.

В какой-то момент Иосимура щёлкает тумблером в последний раз и кивает Мики. Тот отщёлкивает массивные засовы. Из саркофага валит пар. Крышку нужно поднимать вручную. Мики жестом подзывает Накамуру. Крышка очень тяжёлая.

Мужчина в саркофаге выглядит мёртвым. Это не китаец – скорее, монгол. Крупный, резко очерченные скулы. Иосимура держит в руках две пластинки с ручками. К каждой пластинке подведено по два провода, синий и красный.

«Накамура, следите за пульсом объекта, – говорит Иосимура. – Если пульс появится, тут же говорите».

«Это дефибриллятор, – поясняет Мики. – Устройство, предназначенное для стимуляции кардиоритма».

Иосимура прикладывает пластинки к телу человека справа чуть повыше, почти у плеча, слева – пониже. Мики обходит Накамуру и дёргает рубильник на пульте. Тело «замороженного» вздрагивает.

«Ещё».

Ещё один разряд, тело ещё раз вздрагивает. Пульса нет.

«Нет».

Мики говорит: «Помоги».

Вместе с Накамурой они вытягивают тело.

«Уменьшить процент мианезина», – говорит Иосимура.

«Согласен», – это Мики.

«Мы никак не можем прийти к верному составу анксиолитика для замедлений функций организма», – поясняет Иосимура.

Он жестом подзывает одного из солдат, указывает ему на клетку. Тот подтаскивает к саркофагу девушку-китайку.

Китайка бьётся в руках солдата. Мики умело вкалывает ей дозу успокоительного. Девушка безвольно повисает. Они с солдатом взваливают её тело на аппарат.

Иосимура смешивает препараты на столе у правой стены. Накамура не знает, куда ему деться.

«Теорию вы изучите потом, Накамура. Мне хотелось, чтобы вы читали книгу и представляли себе, как описанное в ней выглядит на самом деле. Я дам вам соответствующие материалы».

Он говорит, а его руки непрерывно движутся. Наконец, Иосимура поднимает шприц, выпускает в воздух тонкую струйку жидкости.

«Вот, готово».

Он идёт к саркофагу.

Накамура смелеет.

«Доктор Иосимура!»

«Да?»

«Если вы вкололи объекту успокоительное, то оно в любом случае послужит дополнительным транквилизатором, не так ли? Вы учитывали его взаимодействие с анксиолитиком?»

Иосимура усмехается и наклоняет голову вправо.

«А ведь он прав».

Судя по всему, он обращается к Мики.

«Мы и предыдущему сначала успокоительное вкололи, правда, Кэндзи?»

Мики подзывает жестом второго солдата, который уже держит наготове монголку. На этот раз Иосимура сразу вкалывает ей анксиолитик. Мики бесцеремонно сталкивает тело китайки с саркофага, оба учёных с помощью солдата кладут бьющуюся монголку на прибор. Постепенно её движения слабеют.

«Молодец, Накамура, далеко пойдёшь», – говорит Мики, удерживая ноги женщины.

Когда она окончательно успокаивается, Иосимура аккуратно срезает с неё одежду – бесформенную кофту и юбку. На ней нет нижнего белья. Затем доктор подсоединяет к телу кабели питания. Раствор – в вену, трубки – в рот, в мочеиспускательное и анальное отверстия, ещё одну трубку в нос. Накамура внимательно наблюдает за процессом.

Все ритуалы соблюдены, Иосимура опускает крышку саркофага.

«Процесс заморозки автоматизирован», – говорит он и нажимает на большую синюю кнопку.

Они смотрят на постепенно покрывающееся инеем стекло.

«Можно вопрос?» – это Накамура.

«Да».

«Зачем нужны были два объекта?»

«Именно для этого. Всегда нужно брать страховой экземпляр, если с первым будет что-то не то».

Он показывает одному из солдат: убрать. Тот берёт китайку на руки и уносит.

«Её нельзя возвращать к остальным», – протягивает Накамура.

«Конечно», – подтверждает Мики.

Накамура чувствует себя частью какого-то дружеского заговора. Не военного преступления, не запрещённого эксперимента, а розыгрыша, организуемого группой сокурсников, чтобы повеселиться. Одновременно с этим у Накамуры появляется мысль о том, как спасти Изуми. Сложная, очень сложная к реализации.

5

После июньского бунта «брёвен» охрану заметно ужесточили. Конечно, инициатором стал русский: китайцы в жизни бы не поднялись на борьбу. Они умели умолять о пощаде, бросаться в ноги, они прекрасно владели тайным языком перестукивания между камерами и умудрялись покупать у охранников дополнительные порции курицы за золотые зубы. Русские всегда вели себя иначе. Они ни с кем не общались, постоянно пытались ударить охранника и выбраться из камеры.

Это была единственная ошибка сотрудников тюрьмы: двух русских посадили в одну камеру. Через два дня один из них сказался больным, а когда охранник пришёл выяснить, что случилось, разбил солдату голову наручниками. Русские были смелы, но глупы. Они забрали у охранника ключ от двери камеры и от наручников, но не убили его. Он вырвался и выбежал прочь, при этом заперев наружную решётку. Русские выпустили заключённых, но их тут же расстреляли снаружи. Всех китайцев отравили газом этой же ночью: «бревно» не должно воспринимать себя как человека.

Подсознательно Накамура боится нового бунта в седьмом тюремном отсеке. Новый бунт – снова газ в камерах, и у Изуми не будет ни единого шанса.

Весь июль они работают с Иосимурой и Мики над устройством для анабиоза. Накамура большую часть времени скромно стоит в стороне, но иногда подаёт здравые мысли, которые очень ценят оба начальника. Впрочем, внизу, в лаборатории анабиоза, никакой иерархии не чувствуется: с ним общаются как с равным. Молчаливые солдаты стоят в стороне.

28 июля Иосимура вызывает к себе в кабинет Мики и Накамуру около семи утра.

«Садитесь», – говорит он.

Напротив стола Иосимуры – три мягких кресла европейской работы. Центральное остаётся пустым.

«На днях к нам нагрянет Исии», – говорит он.

Все знают, что предсказать поведение генерал-лейтенанта невозможно. Днём он спит, около семи вечера просыпается, полный сил и энергии. Ему совершенно наплевать на расписание окружающих. Он может созвать срочное совещание в три часа ночи. Единственное, чему приходится подчиняться, это графику подвоза «брёвен». Их везут из подвалов японского посольства в Харбине или из окрестных деревень – днём.

«Он не сказал мне этого, но за столько лет я хорошо изучил генерал-лейтенанта. Мы можем ждать его даже сегодня вечером. Скорее всего, он вызовет меня и Мики, но вам, Накамура, тоже нужно быть готовым. Поэтому я ходатайствовал о предоставлении вам индивидуальной комнаты. Сегодня же вы переезжаете из казармы в собственное помещение, здесь, в одном из домов командного состава. Там пустуют две квартиры – меньшую предоставили вам».

Накамура вскакивает.

«Спасибо, господин полковник».

«Сидите, Кодзи. Квартира номер четыре, корпус два. Вот ключ».

Он передаёт Накамуре небольшой ключик и бумагу-пропуск.

«В вашей комнате будет внутренний телефон. Как только Исии позвонит мне, я тут же перезвоню вам. Машину поведёте вы. Обычно за рулём Мики, ему это нравится, но Исии любит соблюдение субординации. Исии не будет с вами разговаривать, только со мной и немного с Мики. Но если вдруг он задаст вам какой-либо вопрос, будьте готовы ответить на него совершенно чётко, чеканя слова, по-военному. При Исии вы не доктора, а солдаты».

«Хотя он тоже любит, чтобы его называли доктором», – ухмыляется Мики.

«Да, не без этого».

Накамура склоняет голову.

«Я всё понял, доктор Иосимура».

Та монголка не проснулась. И ещё два китайца не проснулись. И китайка не проснулась. И ещё один русский. Никто не проснулся после анабиоза по системе Иосимуры. Но каждый раз доктор находил какой-то прогресс, что-то правильное в своём опыте. Каждый раз он говорил: отлично, так и должно быть. Отлично, всё идёт к решению проблемы.

Иосимура почти забросил свои опыты по обморожению и хладотерапии: этим занимались ассистенты. Он чувствовал конец войны. Чувствовал поражение Японии.

Накамура поднимается.

«Можно идти?»

«Идите, Накамура. Сегодня к обеду вы должны быть на новом месте».

Накамура заходит в казарму. Тут живут ребята, к которым он привык. Когда Санава ошпарился кислотой, Накамуре казалось, что это он, Накамура, пострадал, что это ему больно и страшно. А вот кровать Осудзи, как всегда, неубранная. Все убирают, Осудзи – ленится. На всеобщих смотрах и проверках дисциплины его кровать всегда успевал убрать кто-либо из сослуживцев.

Мы все мертвецы, думает Накамура. Все мёртвые, мертвее «брёвен». Убивающий страшнее убиенного. Накамура вспоминает перекошенное изуродованное лицо Миямото, висящего на спинке кровати. Бедный, бедный мальчик. Из родственников у него была только мать, он посылал ей деньги. Мертвецы не могут любить картины Хокусая, думает Накамура. Виды Фудзи недоступны для мертвецов. Тем не менее он аккуратно снимает репродукцию со стены и скручивает в трубку.

Накамура собирается быстро: он всё-таки солдат. Он берёт с полки и из-под кровати свой нехитрый скарб и отправляется к домам командного состава. Где-то здесь живёт сам Сиро Исии. Дома окружены забором с колючей проволокой. Накамура подаёт часовому пропуск, тот молча возвращает его. Проходи, Накамура, удачи тебе.

Отсюда видна белая стена госпиталя. Сегодня солнце особенно высоко, и светит оно особенно ярко. Белая труба крематория. Белые стены корпуса «ро». Белизна, чистота.

Он находит свой дом и квартиру. Одна довольно большая комната. Ванная, индивидуальный санузел. Всё аккуратно, чисто. Насколько Накамура знает, тут есть уборщики-маньчжуры. Ему не нравится, что кто-то будет входить в комнату в его отсутствие, но так уж заведено.

Накамура садится на кровать. Сегодня у него нет никаких обязанностей, вообще никаких. Ему не нужно в чумную лабораторию Такахаси, не нужно в комнату № 5. Просто сидеть и ждать, когда позвонит Иосимура. Телефон – на прикроватной тумбочке.

На стене – какой-то безликий пейзаж. Накамура снимает его и вешает Хокусая.

Внезапно ему приходит в голову удивительная мысль: если попросить Иосимуру, может, ему отдадут Изуми в личное пользование? Ведь командование имеет на это право. Они неоднократно забирали понравившихся женщин себе. Правда, после возвращали обратно – в помещения для «брёвен».

Изуми – не случайное китайское «бревно», а шпионка.

Пустота. Вокруг Накамуры и внутри него – пустота. Он ощущает себя не частью непобедимой Японии, а всего лишь бессмысленным лоскутом, оторванным от кимоно. Звонок Иосимуры – единственная ниточка, связывающая его с Квантунской армией и управлением по водоснабжению и профилактике, с отрядом 731.

6

Звонок раздаётся в 21.46.

«Ко мне», – и всё, более ничего. Доктор Иосимура живёт в четвёртом корпусе, у самого выхода из огороженной зоны для командования.

Накамура одет, последние два часа он просто сидит на кровати и смотрит на картину Хокусая. Но за картиной, за волной и за Фудзи он видит лицо Изуми.

У Иосимуры – большая квартира, не чета квартире Накамуры. Четыре комнаты как минимум – Накамура не знает точно. Он остаётся ждать в передней. Он уже бывал здесь. Мики появляется через минуту, а ещё через несколько минут все трое выходят из домика и отправляются к блоку «ро». Накамура стесняется спросить, где генерал-лейтенант Исии.

Последний оказывается уже с другой стороны блока «ро», около джипа. По дороге через тюрьму они берут с собой двух девушек-китайнок. Те покорны и молчаливы. Так должны себя вести брёвна.

Исии не один. С ним рядом – та самая девушка с кругами под глазами. На ней – мужская форма без погон и никаких наручников. Смеркается, девушка кажется Накамуре очень некрасивой. Для него загадка, что нашёл в ней Исии. Ещё большая загадка – почему она едет с ними.

Накамура приветствует генерала, но тот не обращает внимания.

В темноте прячется второй джип, поменьше первого и без решётки, отделяющей заключённых от водителя и пассажиров. Накамура и Мики садятся в большую машину, туда же заталкивают китайнок. Глухонемых солдат с ними нет. Иосимура, Исии и его дама идут к меньшему джипу.

Мики выводит автомобиль на дорогу, ворота уже открываются: часовой наготове.

«Кто она?» – спрашивает Накамура, убедившись, что в другой машине не могут слышать его слова.

«Амайя, ночной дождь».

Накамура молча ждёт продолжения.

«Я не знаю, кто она. Исии приблизил её к себе полтора месяца назад и не отпускает ни на шаг. Вряд ли она просто пленная. И не похоже, что он с ней спит. И ещё после её появления анабиозис достроили за полторы недели, хотя до этого возились несколько лет».

На этом Мики замолкает. Судя по всему, ему и в самом деле нечего больше сказать.

Девушка явно не японка. Может, русская. Может, откуда-то из Европы. Накамура видел мало иностранцев в своей жизни. Имя «Амайя» – японское. Почему?

Мики едет очень быстро. Накамура высовывается из окна: вдалеке виден столбик пыли. Машина Исии не поспевает за ними.

«Они же знают, куда ехать», – флегматично говорит Мики.

Накамура думает о том, что через несколько минут ему предстоит общаться с самим Исии Сиро. Мало кто из простых лаборантов подходил настолько близко к Богу Войны.

Ему приходит в голову неуместная мысль. Хочется спросить у Мики, женат ли генерал. Но нельзя, такого позволить себе точно нельзя.

Они уже въезжают в «заброшенный» склад. Всё происходит точь-в-точь как обычно, только без глухонемых. Накамура и Мики тащат китайнок через коридор, через «ящик смерти», через незаметную дверь – в лифт. Те покорны.

Лифт идёт вниз.

С первого раза, когда Накамура попал в подземную лабораторию, в ней произошли заметные изменения. Глухонемые солдаты заметно расширили клетку для подопытных. Пульт управления устройством для анабиоза оброс новыми переключателями и датчиками. На столах появились разнообразные реторты и пробирки.

Рядом с прибором поставили обычную больничную койку с ремнями для сдерживания буйных больных. На ней помещаемые в анабиоз должны заснуть прежде чем попасть внутрь саркофага.

Мики и Накамура заталкивают «брёвна» в клетку. Как раз когда они заканчивают с подготовкой лаборатории – свет уже включен, китайки заперты, с саркофага снято покрывало – появляются остальные. Первым входит Иосимура.

«Вот, доктор Исии», – говорит он.

Исии никогда не был просто начальником, пустобрехом. Учёный высочайшего уровня, микробиолог, он сам внёс множество новшеств в дело бактериологической войны. Фильтры для воды, фарфоровые бомбы – всё кажется изобретением Исии Сиро.

«Выглядит красиво», – с усмешкой произносит генерал.

Он плохо выглядит: усы обвисли, глаза за стёклами очков нелепо шурятся, он сутулится.

«Ещё немного, ещё несколько опытов – и мы достигнем необходимого уровня. С часу на час замороженный объект проснётся, с минуты на минуту...»

В саркофаге и в самом деле находится объект. Они положили туда монголоидного мужчину два дня назад. Вчера опытов не было. И ещё Накамура подал здравую мысль: может, если подержать объект в анабиозе подольше, что-то изменится к лучшему. Иосимура настолько привык к получению опытных результатов почти без теоретической подготовки, что тут же согласился.

Зачем предполагать, что в теле человека восемьдесят процентов воды, если это можно проверить? – так говорил Иосимура несколько лет назад, и фраза стала крылатой. Тот опыт был страшен. Человека помещали в горячую камеру с очень низкой влажностью, через которую постоянно продували ветер. За несколько часов подопытный превращался в мумию. Она весила двадцать процентов от начальной массы объекта.

«Пройдите сюда, генерал. Вам будет интересно самому разморозить объект».

Исии дотрагивается руками до пульта управления, кончиками пальцев проводит по циферблатам и тумблерам.

«Это небыстро», – говорит он. – «Около часа». – «Я готов потерпеть».

При свете лабораторных ламп Накамура внимательно рассматривает генерала. Несмотря на ночное время и секретные опыты, тот одет точно на плац-параде. Зелёный мундир, на нём – ордена и медали. Тонкие очки поблёскивают.

«Ну, давайте разбудим нашу принцессу...»

Накамура стоит в стороне, его задача – молчать.

Исии повышает давление, щёлкает тумблерами, на которые ему молча указывает Иосимура. Раз, два, три, просыпайся, красавчик.

Медленно повышается давление. Исии садится. Остальные в его присутствии стоят.

Накамура думает, почему генерал назвал мужчину принцессой.

Он внимательно рассматривает девушку с кругами под глазами. Изучает её так, точно собирается по памяти рисовать её портрет. Он ловит себя на мысли, что она вызывает в нём два противоречивых чувства – отвращение и вождление. Физическая красота в таком случае не играет никакой роли. Вождление возникает само по себе, независимо от внешности объекта. Накамура прогоняет через себя эти фразы, прочитанные некогда в учебнике по психологии. «Объект» – так он оценивает Амайю.

Обычно ожидание пробуждения происходит в работе. Пока он, лаборант, медленно выворачивает регуляторы, Иосимура и Мики работают с химическими соединениями, проводят вычисления, записывают результат опытов в своих журналах. Но сейчас приходится молчать и ждать, пока Исии сам заговорит.

Но ему, вероятно, нечего сказать.

Проходит около сорока минут. Мики и Иосимура иногда перебрасываются ничего не значащими фразами. Сорок минут молчания – это непросто, даже для хладнокровного и вымуштрованного солдата.

Исии спрашивает: «Можно?»

Неделю назад Иосимура автоматизировал процесс. Теперь давление и температура повышаются без участия оператора. Когда нужный уровень достигнут, прибор сигнализирует о готовности к выводу из анабиоза. Пока что сигнала не было.

«Ещё хотя бы двадцать минут», – отвечает Иосимура.

«Можно», – решает Исии и вручную выворачивает температурный регулятор до предела, после чего нажимает на открывающий рычаг.

Пар валит из-под крышки саркофага. Из рта мужчины вываливается питательная трубка.

И вдруг объект кашляет. Надрывно, страшно. Он кашляет, и кашляет, и его голая грудь забрызгана кровью, Иосимура с Мики пытаются прижать мужчину к столу, Исии с девушкой отходят подальше.

«Накамура!»

Он точно просыпается от спячки, бежит к столу, хватая один из заготовленных шприцев с транквилизатором, передаёт Иосимуре.

Объект постепенно успокаивается. Движения его замедляются, кровь перестаёт идти горлом. Он хрипло, надсадно дышит.

Накамура ненароком заглядывает Иосимуре в лицо. Тот счастлив. Это то самое выражение, которое может возникнуть на лице полководца после окончательной победы его армии. Тут победа промежуточная, но они идут верным путём.

Амайя что-то говорит Исии. Тот усмехается.

Монгол тяжело дышит.

«Мозг работает?» – спрашивает Исии.

«Секунду!»

Иосимура подносит к носу монгола ватку, смоченную в нашатырном спирте. Монгол резко открывает глаза и что-то громко говорит.

«Маму позвал, кажется», – переводит Мики.

«Работает», – констатирует Исии.

Иосимура берёт заготовленный заранее шприц с синильной кислотой и делает монголу инъекцию. Тот молча расслабляется и закрывает глаза.

«Думаю, ещё несколько опытов, и мы сможем гарантировать полную безопасность для укладываемого в анабиоз, – говорит Иосимура. – Настоящий опыт был проведён несколько некорректно. Плюс ко всему он должен ещё как минимум час находиться в искусственной или естественной коме, чтобы жизненные процессы адаптировались к естественной среде».

Исии смотрит на китайских девушек.

«Я хотел бы увидеть процесс погружения в анабиоз».

Накамура идёт к клетке, открывает и выволакивает одну из подопытных. Она вяло пытается вырваться. Иосимура уже наготове: один укол, затем ещё один, затем они с Накамурой укладывают девушку на койку и привязывают.

«Она должна полностью заснуть, это напоминает наркоз», – констатирует Иосимура.

Экспериментальным путём выявлено, что анабиозник должен полежать под действием наркотика хотя бы двадцать минут перед помещением в камеру. Во всяком случае, только что оживлённый монгол лежал именно двадцать минут. Других удачных опытов пока что не было.

Исии берёт стул и садится. Амайя остаётся стоять. Она выше Накамуры сантиметров на пятнадцать. В ней все сто восемьдесят пять. Или сто девяносто.

«Мы все знаем, что конец близок», – говорит Исии.

Это апокалипсическая картина. Исии сидит, перед ним на койке – тело китайки, неподалёку прямо на полу валяется труп монгола. Вторая китайка в клетке в углу. Амайя стоит за спиной генерала. Накамура, Иосимура и Мики выстроились по другую сторону от койки с «бревном». Исии будто проводит смотр своей маленькой армии.

Но он не проводит смотр. Он говорит откровенно – едва ли не впервые в жизни.

«Если Советский Союз объявит Японии войну, мы не продержимся и недели. Нас просто сметёт красным серпом. Всё вот это снесёт – постройки, людей, машины. Русские – вандалы, я бывал в их стране в конце двадцатых».

Он тяжело вздыхает.

«Император официально обратился к советскому правительству с просьбой быть посредником при переговорах с Соединёнными Штатами. К сожалению, этого обстоятельства не приняли США. Вчера в Потсдаме прошла конференция, на которой были сформулированы требования к капитуляции Японии. Мы их не приняли. Это значит, США вынудит СССР вступить в войну на своей стороне. Тем более СССР заинтересован в Китае. В течение двух недель Япония будет превращена в пепел и прах. Вы понимаете, что это значит?»

«У нас нет времени», – отвечает Мики.

«Верно, – говорит Исии. – У нас нет ни дня. То, над чем вы работаете, должно быть сделано вчера. Не завтра и даже не сегодня».

Он оборачивается к Амайе и разговаривает с ней по-английски. Накамура распознаёт отдельные слова, но суть разговора не улавливает. А вот Мики и Иосимура явно понимают, о чём речь.

Она кивает, что-то отвечает звонким, красивым голосом. Если закрыть глаза, то кажется, что это Изуми. Но открываешь – и снова эта дылда.

«У вас есть ещё неделя, ровно неделя. В следующую пятницу устройство должно работать как часы».

Иосимура кивает. Исии встаёт.

«Когда война закончится, мы станем первыми, кто сумел построить устройство для погружения человека в анабиоз. Вы должны понимать, что за этим будут стоять огромные деньги».

Генерал проходит мимо Иосимур и Мики. Он становится прямо перед Накамурой и смотрит на него сверху вниз, с высоты своих ста восьмидесяти одного.

«Тебе можно доверять, лейтенант?» – спрашивает он.

Сейчас решается судьба Накамуры. У Исии потрясающий, нечеловеческий нюх. Не дай бог он почувствует хотя бы слабинку, хотя бы намёк на то, что у Накамуры подгибаются колени от страха... Это конец. Но Накамура твёрд. Ради Изуми, только ради неё.

«Да, господин генерал-лейтенант», – чеканит он.

«Доктор», – с ухмылкой говорит Исии.

«Доктор», – механически повторяет Накамура.

Исии отходит назад.

Иосимура кивает. Мики и Накамура разрезают одежду на китайке и перекладывают её тело в саркофаг, Иосимура заправляет все питающие и отводящие трубки, затем закрывает крышку.

«Температура минус сто двенадцать», – говорит он.

Единственный успешный эксперимент провели при этой температуре. Ниже – смерть, выше – тоже.

Накамура рассматривает Амайю. Какую роль она играет в этом спектакле? Какой у неё странный нос – точно был некогда перебит, а потом исправлен, теперь он орлиный, горбатый. Какие у неё странные глаза – огромные, голубые, глубоко посаженные, в окружении чёрных каёмок.

Исии смотрит на китайку в саркофаге. Она лежит безмятежно, точно спит в собственной постели.

«Эта пусть остаётся тут», – говорит Иосимура, указывая на второе «бревно».

Мики кивает.

Все пятеро идут в лифт. Это заговор, думает Накамура. И в этом заговоре он находится в равном положении с самим Исии Сиро.

Пока лифт поднимается вверх, Накамура смотрит на Амайю со спины. Слишком крупная, думает он. Слишком жёсткие, торчком стоящие волосы. Слишком, всё в ней слишком. Но о вкусах не спорят.

Накамурой овладевают мечты. Если бы в качестве «бревна» взяли Изуми, он бы прямо сейчас её спас. Если бы Изуми, а не безымянная китайка, сидела сейчас в нижней клетке, он, Накамура, расстрелял бы в спину всех – Исии, Иосимуру, Мики и Амайю. И вернулся бы за Изуми. Он помнит цифровой код на лифтовой двери, подсмотреть его ничего не стоило. 546201. Значит ли это число что-либо для Иосимуры? Неважно.

На этот раз Иосимура садится в большой джип. Исии остаётся с Амайей вдвоём. Напоследок, прежде чем сесть в машину, он говорит:

«Семь дней, Иосимура. У вас – семь дней. Я ещё раз проверю в середине недели».

Иосимура слегка склоняется перед генералом.

Пыль за джипом Исии медленно оседает. Мики и Иосимура медлят. Накамура уже в машине.

Кажется, он понимает, о чём думают его начальники. Все хотят жить. С одной стороны, война может закончиться для них благополучно, и после войны они могут открыть предприятие по производству машин для анабиоза. С другой стороны, саркофаг может стать единственным способом вообще пережить войну. Каждый хочет иметь такой шанс для себя.

Джип трясётся на неровной дороге, Мики за рулём, Иосимура – слева, Накамура – посередине.

Прощаясь у домиков, Иосимура говорит:

«В семь утра ждать у джипа. У нас напряжённая неделя».

Накамура почему-то вспоминает глухонемых солдат.

7

1 августа 1945 года на базу 731-го отряда доставили последнюю партию заключённых. Старый «Додж» въехал в ворота и остановился. Внутри было около сорока человек. Никто из командования не вышел для изучения новой поставки. У задней двери «Доджа» стояли два врача-лаборанта. Первый дезинфицировал запястье каждому выходящему, второй вкалывал в это же место раствор синильной кислоты. Два солдата оттаскивали трупы за машину, чтобы выходящие не догадывались о том, что их ждёт. Это было первым звонком: нужда в подопытных пропала.

В ночь с третьего на четвертое августа 1945 года, с пятницы на субботу, генерал-лейтенант медицинской службы, начальник управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии Исии Сиро посетил подпольную лабораторию по исследованию возможностей погружения человека в анабиоз и остался доволен. Полковник доктор Иосимура Хисато добился потрясающих успехов. Единственное, чего не мог проверить Иосимура, это длительность сохранения тела подопытного в неизменном состоянии. Вероятность того, что даже в анабиозе человек продолжал стареть с той же скоростью, с какой старел вне саркофага, существовала.

Накамура научился управлять генератором. Как оказалось, он работал не на топливе, а от течения близлежащей подземной речушки. «Пока не перетрётся вал, электричество у нас будет», – шутил Иосимура. Накамура думал, что скорее пересохнет речушка.

6 августа 1945 года в 1 час 45 минут с американского бомбардировщика В-29 на город Хиросиму была сброшена атомная бомба «Малыш». В тот же день, примерно в 2 часа 50 минут генерал-лейтенант Исии Сиро вызвал Иосимуру и Мики к себе в комнату. Накамура приглашён не был.

Сегодня 8 августа. Накамура смотрит на картинку Хокусая. Три дня назад Изуми сказала ему: «Я больше не могу». И перестала болеть, перестала курить, перестала есть слабительное. Это значит, в любой момент её могут забрать, просто забрать.

Он не может открыть ей правду, потому что она не поверит. А осталось совсем чуть-чуть, совсем немного. В день капитуляции Японии – она не за горами – базу ликвидируют, сомнений в этом нет. Разве что Исии не позволит уничтожить дорогостоящий и сложный аппарат для анабиоза. Накамура хочет самовольно забрать с собой Изуми – как «бревно». Никто не заподозрит неладного: в последние дни он постоянно перевозит одно «бревно» за другим на северо-восточный склад.

Он погрузит её в анабиоз и будет сторожить. Он убьёт всякого, кто попытается зайти в лабораторию. Даже если на Пинфань будет сброшена атомная бомба, саркофаг не должен пострадать.

У Накамуры нет чёткого плана действий, расписанного по часам. Он должен осуществить своё намерение спонтанно – в день, когда будет принято решение о ликвидации базы. Самое сложное – это успеть до того, как заключённые будут умерщвлены.

Есть другой вариант: выкрасть Изуми сейчас. Везти её к саркофагу нельзя: придётся скрываться в окрестных китайских деревнях. В деревнях, где ненавидят японцев.

А за что их любить? Жители Маньчжурии хорошо помнят всё, что делали с ними японцы.

Они помнят, как войска, взявшие в 1937 году Нанкин, увечили их женщин, рвали им внутренности штыком и насиловали прямо в эти, новые отверстия. Как спорили между собой, кто зарубит за пятнадцать минут больше простых китайцев – и победитель успевал убить как минимум сотню прохожих. Как вспарывали животы, отрубали головы и закапывали живьём – потому что было предписано беречь патроны.

Как, начиная с 1932 года, по всей оккупированной территории расплодился чудовищный паук «домов комфорта», где одурманенные наркотиками местные женщины обслуживали по шестьдесят-семьдесят солдат за день. Как женщин травили тетрациклином, чтобы не допустить венерических болезней или спровоцировать выкидыш в случае беременности.

Как с самолётов на пинфаньские деревни сбрасывали мягкие игрушки, одежду, одеяла и прочие вещи, заражённые чумой, столбняком, ботулизмом, холерой, брюшным тифом, и бедные китайцы подбирали эти дары, и как потом японцы ходили в защитных костюмах и проверяли, какой процент населения заражён чумой.

Они помнят всё это – и никогда не простят.

Именно поэтому Накамура ждёт дня «икс», часа «ч».

Весь день 8 августа Накамура сидит в своей комнате. Выходит он только на обед. Сегодня работы с саркофагом нет: Иосимура занят на других опытах. Накамура смотрит на картину, на стены, на небо через узкое окно. Он ни о чём не думает, потому что не может думать. В его голове живёт Изуми. Такая цветущая и красивая, такая живая.

Утром 9 августа 1945 года начинается эвакуация отряда.

Накамура вскакивает с кровати при первом же шуме и мгновенно одевается. Источник шума – Мики, он стучит в квартиру Накамуры.

«Сегодня ночью СССР объявил войну Японии, советские войска уже на территории Маньчжурии. Не далее как через полчаса начнётся массовая эвакуация отряда. Нам срочно нужно ехать в бункер».

Накамура бежит за Мики и думает, не пустить ли ему пулю в спину прямо сейчас. Нет, рано.

Исии уже на ногах: вполне вероятно, он вообще не спал. Появляется Иосимура, из дома Исии выскакивает Амайя. Все пятеро идут ко входу в корпус «ро».

«Я не могу ехать сейчас с вами, как и доктор Иосимура, – говорит Исии. – Мики, Накамура, вы должны подготовить саркофаг и ждать там. Я приеду как только смогу. Вероятно, даже не сегодня. Амайя едет с вами».

Они проходят насквозь блок «ро». На Накамуру накатывает паника. Что делать? Как вызвать Изуми?

Неожиданно Исии уходит в один из боковых коридоров. Иосимура – за ним. Мики и Амайя, не глядя, идут вперёд. Накамура решается.

В корпусе царит неразбериха, хотя страшные известия пришли не более четверти часа назад. Накамура сворачивает в тюремный блок «ха». Часовой требует у него разрешение на то, чтобы забрать заключённого. Накамура всегда отдавал бумагу автоматически. Сейчас у него нет времени придумывать оправдания. Он снимает с плеча винтовку и молниеносным движением вспарывает часовому живот.

Затем Накамура берёт ключи и идёт внутрь. Второй часовой пропуска не требует. Накамура проходит мимо, а затем всаживает штык солдату в шею. Всё, путь свободен. Вот она, камера Изуми. Накамура открывает дверь. Изуми смотрит на него круглыми глазами.

«Мы бежим!» – говорит он.

Они идут по коридору, Изуми молча провожает взглядом мёртвых охранников.

«Делаем вид, что я веду тебя на опыты», – говорит Накамура. Изуми теперь идёт впереди него. На ней нет наручников, но в спину утыкается штык.

Он выталкивает её из помещения. У дверей их встречает Мики.

«Что это? Зачем?»

Накамура отталкивает Изуми в сторону и молча всаживает штык полковнику под рёбра.

Амайя в джипе. Она жестами показывает: всё в порядке, я на вашей стороне. Накамура ей не верит. Амайя – за рулём.

«Я – друг, – говорит она с лёгким акцентом. – Мы едем вместе».

Накамура втискивает на сиденье Изуми, садится сам. Амайя нажимает на газ. Как выехать с базы, Накамура пока не знает.

Он понимает, что не ожидающих подвоха часовых заколоть просто. Но у ворот стоят люди, которые всегда готовы к неожиданностям. Амайя давит на газ. Джип разгоняется.

Они привыкли к этой машине. Они знают, что она часто выезжает ночью. Но сегодня у Накамуры нет пропуска, джип движется всё быстрее, Амайя прищуривает глаза.

Часовые начинают стрелять только когда ворота уже болтаются на вырванных петлях. Машина несётся вперёд, позади – винтовочный треск.

«Не задело?» – кричит Накамура.

«Нет», – отвечает Изуми. Амайя молчит.

Амайя ведёт машину слишком уверенно. Накамура думает о том, что тот её визит на объект вместе с Исии не был единственным. Невозможно так запомнить каждый поворот с одного раза. В тенте прямо около лица Накамуры – пулевое отверстие. Он берёт Изуми за руку. Её рука – в чём-то липком. В крови.

Накамура смотрит ей в глаза:

«Ты же сказала, что не задело!»

Но она молчит, глаза её закатились. Она ещё дышит, но слабо, и Накамура понимает, что самое важное теперь – успеть. Успеть положить её в анабиоз. Когда-нибудь он заберёт её – тогда рядом будут врачи, тогда пулю вытащат, тогда её спасут.

«Она ранена», – говорит он Амайе.

«Я стараюсь», – отвечает Амайя.

Несмотря на то, что несколько минут назад она сама заговорила с ним по-японски, он не ждал ответа. Накамуре казалось, что девушка не говорит на его языке.

Джип заносит на одном повороте, затем на другом. Задняя часть машины идёт юзом, но Амайя удерживает её на дороге.

Они доезжают до склада не за десять минут, как обычно, а за пять. Амайя тормозит внутри складского помещения так, что Накамура едва не вылетает через переднее стекло. Ещё с большим трудом он удерживает Изуми.

У Амайи есть ключ от внешней двери, и она знает код лифта не хуже Накамуры. Она бежит первой, Накамура – за ней, Изуми у него на руках. Его форма становится липкой от крови. Пока лифт едет вниз, Накамура пытается понять, куда попала пуля. Под окровавленной одеждой ничего не видно.

Они внизу, уже внизу. Накамура кладёт Изуми на койку, бежит к столу, хватается ножницы, разрезает на Изуми одежду. Он не знает, дышит ли она.

Амайя берёт губку, смачивает её в умывальнике. Накамура боится вкалывать Изуми морфий или что-либо другое для облегчения боли. Он не знает, как это будет взаимодействовать с анксиолитиком.

Амайя стирает кровь с живота и груди Изуми. И в этот момент всё становится ясно.

«Нет» – это глупое слово, ответ на вопрос «тебя не задело?». Пустое слово, последнее в жизни Изуми, рождённое в угасающем рассудке, призванное успокоить мужчину. «Нет» – это автоматическая реакция на раздражитель. Возможно, она вообще не слышала этого вопроса.

В теле Изуми – три отверстия. Одна из очередей, пущенных вслед джипу, прошла её, три сквозных. Перевернуть её на живот, Накамура? Посмотреть, сколько там дыр в спине?

Замораживать Изуми поздно, потому что она стала легче на двадцать один грамм, на вес души, в которую не верят японцы. Или тяжелее – если в ней есть пули, каждая по девять граммов.

Плачь, Накамура, плачь, падай на колени перед мёртвой женщиной, рыдай. Рыдай, когда лифт идёт вверх без твоего приказа, когда Амайя берёт винтовку из твоих ослабевших рук и целится в закрытые металлические двери. Затем двери открываются, и первую пулю в живот

получает незнакомый солдат Квантунской армии, а потом Исии кричит: «Это я, Амайя, это я», но двери уже закрываются, потому что Амайя продолжает стрелять.

Накамура поднимается и бежит к двери. Он знает одну штуку, которую может не знать Амайя. Иосимура предусмотрел всё, всё на свете, и бункер можно изолировать. Накамура берётся за небольшой выступ в лифтовой панели и дёргает её на себя. Она отрывается, под ней – вторая панель, на ней – рубильник с красной рукоятью, привязанной провололочкой. Он срывает печать, тащит рубильник на себя и отходит назад.

«Всё, – говорит он. – Они не прорвутся. Никто не прорвётся».

Из потолка выезжает толстая бронеплита. Даже не выезжает – тяжело падает на пол. Как её поднять снова, Накамура не знает, потому что рубильник остаётся за ней. В принципе, он не знает, имеет ли изоляция лаборатории анабиоза обратное действие.

Амайя держит в руке винтовку. Он проходит мимо и смотрит на тело Изуми.

Накамура опустошён окончательно. Он не знает, что делать дальше. Он не хочет жить, потому что это не имеет смысла. Где-то там, наверху, Япония отдаёт Маньчжурию русским. Где-то там атомная бомба «Толстяк» падает на Нагасаки, потому что первостепенная цель, Кокура, затянута облаками. Где-то там генерал-лейтенант Исии Сиро бессильно бьёт кулаками по металлической двери бесполезного лифта. Где-то там сотрудники отряда 516, специалисты по отравляющим газам, забрасывают стеклянные гранаты со сжиженным цианистым водородом в камеры с «брёвнами».

Амайя говорит: «Спаси меня».

Накамура смотрит на неё в упор. Он не знает, кто она такая, почему оказалась рядом с генералом Исии. Какое отношение она имеет к устройству для анабиоза. Он рассматривает её огромные глаза, чёрные круги вокруг них, её тонкие губы, её странный, птичий нос. Неожиданно на него нисходит спокойствие. Он идёт к столу с реактивами, достаёт из ящика шприц, наполняет его анксиолитиком.

«Раздевайся, ложись», – говорит он.

Она делает это молча, не стесняясь. У неё большая грудь.

Она ложится не на койку – там всё ещё покоится мёртвое тело Изуми. Она ложится сразу в саркофаг, руки по швам, вытягивается. Её длинное тело едва помещается внутри. Накамура аккуратно вкалывает ей раствор.

«Меня зовут Накамура Кодзи. Её зовут Изуми. Передай это тем, кто разбудит тебя».

Она кивает.

Её веки тяжелеют, глаза закрываются.

Всё время, пока она засыпает, Накамура сидит у саркофага и смотрит в одну точку. Перед ним, один за другим, встают сорок шесть видов горы Фудзи Кацусики Хокусая. Тридцать шесть основных и десять дополнительных. Когда он видит «Восхождение на гору», он встаёт, подводит к телу Амайи питательные трубки – так, как это много раз делал доктор Иосимура, и закрывает саркофаг.

Остаётся последнее, самое важное. Япония, я не могу поверить в твоё поражение, хотя я чувствую его, я знаю, что наступил конец. Мама, прости, я не могу опозорить себя. Я не смог спасти любимую женщину, но я спас жизнь другой. Мама, прости меня.

Накамура отстёгивает от винтовки штык. Хорошо бы иметь кусунгобу или хотя бы вакидзаси, но приходится пользоваться тем, что есть.

Накамура снимает тело Изуми с койки, кладёт на пол перед собой. Снимает форменную куртку, снимает рубашку и нижнюю, европейского типа, майку. Становится на колени. Обматывает штык курткой. Берёт его обеими руками, оставляя свободным около десяти сантиметров штыка.

Мимо Накамуры проносятся все мгновения его короткой жизни. Он знает, что будет очень больно. Но только такая смерть может искупить всё, что он сделал.

Он закрывает глаза, дотрагивается холодным кончиком штыка до левой части живота.
Крепко сжимает штык.
Главное – не вскрикнуть от боли.
И делает первое движение.

2. Морозов

Россия, Москва – Китай, Харбин, май-июль 2010 года

1

Доктору медицинских наук профессору Алексею Николаевичу Морозову исполнилось пятьдесят три года. Его жена умерла два года назад от рака груди, и он не смог ей помочь. Теперь он живёт один в трёхкомнатной квартире в сталинской восьмизэтажке около станции метро «Багратионовская». Ему нравятся высокие потолки, просторные комнаты, и особенно ему нравится мусоропровод, выходящий непосредственно в кухню. После хорошего ремонта мусоропровод герметично закрывается, все запахи исчезли будто их и не было, а ходить с мусорным мешком за тридевять земель Алексей Николаевич никогда не любил.

У Морозова есть сын Олег тридцати трёх лет от роду, частный предприниматель. Олег Алексеевич не очень любит отца, но из вежливости раз в месяц заезжает в гости, плюс иногда «одалживает» на неделю свою дочь, то есть внучку Алексея Николаевича, пожить у бабушки. Морозов всегда рад внучке, но взаимопонимания между ними нет, они уже давно потеряли общий язык. Катя думает о смартфонах, героях вампирских фильмов и модных музыкантах. Алексей Николаевич думает о другом. Он думает о том, что пациент Маркеев из пятой палаты не должен больше страдать.

На полках в его квартире стоят книги по истории эвтаназии, в том числе несколько папок с архивными материалами по программе умерщвления Т-4, активно запущенной в гитлеровской Германии. Но Алексей Николаевич – не фашист и никогда им не был. Он милосерден. Он всегда говорит себе: если бы я мог излечить рак, я бы отдал свою собственную жизнь, чтобы его излечить. Но я не знаю такого способа и потому делаю то, что могу.

Его серый «Форд» останавливается перед зданием больницы, где Алексей Николаевич работает нейрохирургом. Некоторое время он был главврачом больницы, но обилие административных дел мешало ему заниматься своими непосредственными обязанностями – спасать людей. И он подал прошение о понижении в должности.

Морозов выходит из машины, поднимается по ступенькам, входит, кивает администраторам, проходит к лифту. Нейрохирургия занимает этажи с шестого по девятый. Четыре этажа двадцатилетних мальчиков с аневризмами, пацанов с повреждениями спинного мозга, бритых наголо девочек со шрамами от операций на головах.

У кабинета Морозова ждёт пациент. Парень лет двадцати пяти – один из самых лёгких в отделении. Синдром кубитального канала, плохо работает кисть, худая, тонкая, не может удержать даже чашку. Операция назначена на послезавтра, потом полгода тренировок и хорошего питания – и будет как новенький.

«Здравствуйте, Алексей Николаевич...»

Он стесняется.

«Привет», – Морозов старается ответить дружелюбно.

«Скажите, пожалуйста, меня после операции сразу выпишут? А то мне тут на концерт в среду...»

Морозов хмурится.

«Концерт пропустишь, ничего страшного. Тебе рука нужна здоровая или концерт?»

Парень потупляет взгляд.

«Послезавтра операция, после неё ещё минимум четыре дня будешь лежать».

«Спасибо», – видно, что парень недоволен, но теперь он хотя бы знает, чего ожидать.

Они подходят постоянно, мальчишки, которые абсолютно здоровы. Им нужно на концерт, на футбол, на свидание. Самое смешное, что ему лет двадцать пять, и в жизни он может быть строгим деловым человеком. Но как только он попадает в больницу, так сразу становится ребёнком. Сорокалетние тоже как дети: у них инсульт, а они спрашивают, как скоро могут вернуться к работе. Как геймеров приводят с туннельным синдромом запястья, так и их, взрос-

лых мужиков, тащат сюда на поводке, потому что им не просто «нехорошо-сейчас-полежу-и-всё-пройдёт». У них кардиоэмболический инсульт со всеми вытекающими. С тромбоемболией других органов, например.

Алексей Николаевич входит в свой кабинет, бросает пиджак на стул. Жарко, хотя обещали, что весна будет холодной и ветреной.

В его шкафчике, у всех на виду, без всякой этикетки стоит прозрачная бутылочка с раствором сакситоксина. Это не самый гуманный яд, но быстрый при должной концентрации и введении прямо в кровь. Развивается сердечно-сосудистая и дыхательная недостаточность, пациент попросту задыхается. Основная причина использования Морозовым сакситоксина – его нельзя обнаружить в организме. Впрочем, тех, кто получает этот яд, никто не вскрывает. Нет смысла.

Пятая палата – на пятом этаже. Там временно лежат онкологические, которых на время ремонта перевели из второго корпуса. Онкология теперь – по всей больнице. Равномерное распределение рака: один этаж в неврологию, один этаж – в кардиологию, один этаж – в хирургию. Каждому по чуть-чуть. Как, у вас ещё нет раковых? Тогда мы идём к вам.

В пятой палате лежит один человек. Родственники заплатили за то, чтобы он умирал в отдельной палате. Ещё месяц, целый месяц ему дышать через трубку в горле, потому что дыхательные пути разъела злокачественная опухоль.

Алексей Николаевич запланировал старика на завтра.

Он беседовал с ним. Точнее, он говорил, а старик кивал. Старик больше не хотел жить, и Морозов видел это в его усталых глазах.

Теперь Алексей Николаевич смотрит на шкафчик с заветной склянкой, на часы, на дверь. У него сегодня нет операций, как ни странно. Завтра – две, послезавтра – две. Сегодня – только если срочные.

Самое страшное время – это гололёд. Идёт парень, падает спиной назад, разбивает голову. Его везут сюда, и на операционный стол он попадает ещё живым. Он дышит, глаза чаще всего открыты. Он даже может быть в сознании, может говорить.

Когда через час врач выходит к родственникам, в его глазах усталость. Не грусть, не сочувствие, а чудовищная усталость. Так бывает, когда на твоих плечах лежит два десятка потерянных душ.

Бывает ещё страшнее. Когда человека спасают, а он – в коме. В вечной коме, потому что его мозг умер. Тогда Алексей Николаевич смотрит на свой шкаф и на бутылочку без этикетки.

«Можно?»

В кабинете появляется Серков, молодой врач, год после аспирантуры. Он еще не защищался: дописывает кандидатскую.

«Добрый день», – здоровается Морозов.

«Добрый день... – Серков чуть мнётся, затем продолжает: – Алексей Николаевич, я на этой неделе себя ни на одной операции не увидел...»

Понедельник, только вывесили.

«Максим, – ласково говорит Морозов. – На этой неделе нет ни одной операции, которая была бы тебе по зубам. Ассистировать будешь почти на всех».

«Это же не то, – обиженно говорит Серков. – Мне нужно оперировать больше».

Морозов думает о том, как этот мальчик ещё наивен. Но при этом честен и хочет стать хорошим врачом. Больше операций, больше опыта.

Вообще-то Морозов думает передать Серкову больного Минченко из второй. У него грыжа позвоночника. Сложно, но вполне по зубам молодому врачу – под присмотром кого-нибудь из опытных.

«Эх, – вздыхает он. – Минченко твой».

Восторг на лице Серкова.

«Без благодарностей. Это сложная операция, стоит серьёзно подготовиться». – «Спасибо, Алексей Николаевич».

Серков исчезает.

Разрешил, зачем разрешил?

Ну да ладно, парню и в самом деле нужно тренироваться. Он ответственный, всё сделает хорошо.

Обычный день, ничего особенного.

2

Звонит внутренний телефон. Это Николай Сергеевич Чашников, главный врач больницы.

«Алексей Николаевич, зайди ко мне».

Морозова раздражает чашниковская привычка обращаться по имени-отчеству в сочетании с «ты». Но он пересиливает себя и обращается к Чашникову точно так же. Последний не чувствует иронии.

Морозов идёт по коридору и здоровается с медсёстрами.

Медсёстры с точки зрения Морозова бывают двух типов: молодые и матёрые. Молодые щебечут между собой на различные темы, обсуждают модных певцов, заигрывают с врачами. Они могут небрежно вставить иглу от капельницы, вызвав у пациента гематому. Или случайно вколоть не то вещество. Матёрые – не лучше. Они командуют врачами, командуют пациентами, командуют другими сёстрами и делают всё так же небрежно, как и молодые, но не от неумения, а от сознания собственного совершенства. Смотрите, как я легко колю ему антибиотик, одной левой.

Алексей Николаевич попросту не любит медсестёр. Мужчины лучше справляются с подобной работой. Но мужчин-медбратьев в больнице нет по известной причине – слишком мало платят тем, кто пытается спасти жизни.

Чашников сидит за столом, уставившись в ноутбук.

«Ага-а, Алексей Николаевич, добрый день, добрый день».

Встаёт, протягивает широкою влажную ладонь.

«У нас снова Китай», – говорит он с ходу.

Морозов кивает.

Знание китайского языка – полезная вещь. Расширяющаяся сфера сотрудничества с Поднебесной, постоянные командировки. Морозов изучал язык самостоятельно, читал книги в оригинале, ходил к преподавателям. Начал в тридцать лет, к сорока говорил очень хорошо. «Вам бы в лингвисты», – вздыхали преподаватели.

Морозов не хотел в лингвисты. Он хотел спасти жизни – до некоторых пор. До тех пор, пока не понял, что жизнь не всегда благо.

«Когда?»

«С восьмого по пятнадцатое июня курс лекций, обмен опытом».

«Всё там же?»

«Как ни странно, нет. Харбинский медуниверситет, точнее, Первая больница медуниверситета. Стандартный курс лекций, ничего особенного. В курс дела обещали ввести на месте: на что делать упор, как готовиться».

«Тогда нужно вылетать на неделю раньше».

«Естественно. Они готовы принять вас со второго июня. Кроме вас, будет ещё ряд приглашённых специалистов, но не из России».

Для Морозова подобные поездки – рутина. Был Пекин, были Цзинань, Нанкин, Сиань. Везде практически одно и то же. Несколько лекций, иногда – операции, несложные.

Китайцы напоминают Морозову механизмы. Он почти уверен, что именно они первыми придут к идее обязательной эвтаназии убогих, калек, уродов, немощных. Китайское общество всегда импонировало Морозову своей сплочённостью, идеальной структурой и даже неким подобием равенства. Идеалы, которые несли многочисленные революции, – свобода, равенство, братство – не имеют ни малейшей возможности воплотиться в других странах мира. Мы несвободны, неравны и мы не братья друг другу. Китайцы ещё менее свободны, но остальные два пункта у них почти выполнены.

«Хорошо, Николай Сергеевич, лечу. Почему так поздно сообщили?»

«Как договорились. Зайдите сегодня в бухгалтерию, разберитесь с документами. У вас виза ещё есть?»

«Мне годовую в прошлый раз поставили, есть».

«Вот и прекрасно».

Харбин, что такое Харбин?

Морозов сидит в кабинете и читает в сети, что интересного можно увидеть в Харбине. Крупнейший в Китае православный храм – собор Святой Софии. Не действует, хотя и внесён в реестр национальных памятников Китая; теперь в нём располагается Дворец Зодчества. Музей науки и техники. Музей провинции Хэйлунцзян. Обелиск Советской Армии.

Как ни странно, Морозов очень любит фотографировать за границей памятники русским. В Париже он как-то ездил на окраину города, в неблагополучный район – только чтобы найти небольшой памятник Пушкину, единственный во Франции.

Из китайских памятников Морозов видел только памятник Пушкину в Шанхае. Мемориал советским воинам в Харбине – это интересно. Морозов доволен приближающейся поездкой.

Неожиданно его мысли перескакивают на другой, более серьёзный вопрос. На вопрос завтрашней работы. Не операции, не рутинного заполнения документов, а более важной работы. Яд в шкафчике. Старик в пятой.

Морозов воспринимает себя как двух не зависящих друг от друга людей. Один – оперирующий хирург, известный в своей сфере. Его приглашают на лекции и семинары, он неплохо зарабатывает, у него есть друзья и родные, у него есть всё, что нужно нормальному человеку. Второй – тот, кто крадётся ночью по тёмному больничному коридору со шприцем в руке. Тот, кто спасает людей путём окончательного их успокоения.

В Китае такие вопросы поднимаются на государственном уровне. На сессиях Народного политического консультативного совета Китая постоянно идут дебаты о необходимости легализации эвтаназии на определённых условиях. Алексей Николаевич слышал о том, что старики в бедняцких деревнях идут даже на самоубийство, чтобы не обременять родственников счётами за лечение. Китай думает о будущем. О том будущем, до которого Россия, возможно, не доживёт.

«Эвтаназия для всей страны...» – такая мысль рождается в голове Морозова. Он представляет себе, как поднимает вялую, усталую руку своей непобедимой Родины и вводит в неё дозу растворённого в воде сакситоксина.

Нет. Он трясёт головой, отгоняя глупые мысли. Смотрит на дверь. Хмурится.

3

День за днём – рутина. Сначала тебе кажется, что ты спасаешь жизни людей, но через некоторое время ты становишься просто частью ремонтной бригады. Ты вставляешь новые шестерни, а если они не подходят, списываешь механизм в утиль.

Так нельзя, ни в коем случае. Если врач превращается в ремонтника, он начинает ошибаться. Переживать за каждого потерянного на операционном столе нельзя – так впопугу сойти с ума. Но нельзя и приравнять людей к механизмам.

Именно для того, чтобы оставаться человеком, Алексей Николаевич некогда облегчил страдания одной из своих пациенток, молодой женщине лет сорока, у которой была опухоль грудного отдела спинного мозга, на последней стадии. Из-за химиотерапии она облысела, овощные салатики изувечили её желудок, привыкший к мясу, но всё это работало не более чем таблетки плацебо. Она знала, что умирает.

Потом на неё обрушилась боль, страшная боль. Алексей Николаевич бывал в онкологии, потому что там работал его друг, Сергей Витальевич Винаков. Вместе с ним Морозов ходил по коридорам онкологии и слушал комментарии: сколько осталось этому, что у того.

Женщину звали Марина. Морозов проникся к ней какой-то нежностью, она обрела свой маленький уголок в его сердце. К тому времени жены Алексея Николаевича уже не было в живых.

Он не мог смотреть, как мучается Марина. Как ей постоянно вводят обезболивающее, а оно не помогает, потому что опоясывающие спазмы разрывают её на части. Ещё месяц, два, три – состоящие из одной только боли и больше ни из чего. Никаких шансов на облегчение. Неспособность контролировать мочеиспускание, неспособность подняться с кровати, замедленные, неуклюжие движения рук.

«Убей меня», – шептала она так тихо, что не слышал даже он. Не слышал, но догадывался.

Он пришёл к ней вечером, проскочив незаметно мимо дежурной медсестры. Он сидел на койке и смотрел на Марину, которая не могла спать от боли. Он показал ей шприц и сказал, что это займёт около двух часов. Меньше нельзя, иначе яд могут обнаружить. Она сказала: «Да», – и протянула руку.

Так Алексей Николаевич стал убийцей и спасителем в одном лице.

Сегодня в кармане у Алексея Николаевича тоже шприц. Операции уже прошли, обе несложные, никакой экстренности. Без проблем, конечно, не обошлось. Парень из второй палаты проснулся до конца операции. Оказался сильным, даже не дёрнулся, но сдавленно сказал: «Боль...» Анестезиолог Карпенко тут же ввёл дополнительную дозу, но без выговора дело не обойдётся. Карпенко вызвали к главному, и больше его Морозов сегодня не видел. Ошибка анестезиолога может стоить жизни больному в той же степени, в какой и ошибка хирурга. Парню, кстати, удаляли позвоночную грыжу.

Сегодняшний шприц предназначен для Василия Васильевича Маркеева, восьмидесяти трёх лет от роду. Василий Васильевич не может разговаривать, своё согласие на процедуру он высказал слабым кивком.

В момент введения яда Алексей Николаевич всегда совершенно спокоен. Точно так же он хладнокровен во время самых сложных операций, например, на головном и спинном мозге. Это спокойствие человека, уверенного в правильности своих действий.

Алексей Николаевич спускается на лифте на пятый этаж. Старенькие лифты всё никак не могут заменить: пациенты, врачи и сёстры регулярно застревают в «бермудской зоне», как прозвали промежуток между третьим и четвёртым этажами.

Пятый. В предбаннике никого нет. Дежурная медсестра – за тонкой перегородкой. Алексей Николаевич ступает очень тихо. Конечно, девушка слышала, как пришёл лифт, но Моро-

зов об этом не думает. Он думает о ключах от технического помещения, через которое можно пройти к палатам в обход медсестры. Ключи у него в кармане.

Ключи поворачиваются в замке беззвучно, Алексей Николаевич попадает в длинный тёмный коридор. Когда-то в него выходили двери палат, но при перепланировке их заделали, двери стали выходить в параллельный коридор, а тут образовалось нечто вроде большой, длинной и тёмной подсобки с одним-единственным окном в самом конце. Там же, около окна, можно перейти в «жилую» часть этажа.

Алексей Николаевич проходит по коридору, открывает дверь, оглядывается. Мерцают лампы, медсестёр не видно. Кто-то – в сестринской, кто-то ушёл домой. Сейчас не время для обходов.

Алексей Николаевич заходит в пятаю.

Маркеев спит. Морозов садится рядом с ним на кровать.

Будить или не будить? Наверное, первое. Всё равно старик проснётся от укола.

Он трясёт руку старика, тихо говорит:

«Здравствуйте, Василий Васильевич».

Внезапно Морозов понимает иронию слова «здравствуйте», сказанного человеку, которого через несколько минут собираешься умертвить.

Старик просыпается легко. Он поднимает дряблые веки, смотрит на Морозова.

«Вы готовы?»

Кивок.

«Вы хотите что-нибудь ещё напоследок? Сказать? Передать кому-либо?»

Отрицание.

«Вы уверены?»

Кивок.

Старик с трудом поднимает руку, подавая Морозову запястье.

«Нет, Василий Васильевич».

Доктор берёт старика за локоть. В сгибе другой руки – толстая игла от капельницы.

Это очень простое действие: ввести иглу и надавить на поршень. На этой вене столько отметин, что никто не заметит появление лишнего отверстия. Старик умрёт завтра под утро.

Игла касается кожи.

Страшно. Страшно не убивать, но быть застигнутым. Если сейчас войдёт медсестра, Алексей Николаевич не найдёт правильных слов.

Игла входит под дряблую кожу. Поршень идёт вниз.

В коридоре – по-прежнему никого. Морозов снова проходит через длинную подсобку, садится в лифт, едет на свой этаж. Каково это, дарить смерть? Спросите у доктора Морозова, возможно, он вам ответит.

4

Нет, они не стоят молчаливым кольцом вокруг начерченной на полу пентаграммы. Нет, что вы, они не приносят в жертву домашних животных и детей. Они не надевают чёрные плащи с капюшонами и не прячут лиц. Это интеллигентная секта.

«Время над нами не властно, ибо мы и есть время», – говорит Алексей Николаевич в узкий проём смотрового окошечка, и дверь открывается.

Прислужник учтиво показывает, куда идти, но Морозов в этом не нуждается. Сначала прямо, затем свернуть налево в большую комнату, отделанную ореховым деревом и красным бархатом. Здесь очень дорогая мебель, резная, привезенная из Англии по специальному заказу; здесь горит камин, а в воздухе плавает ароматный дым, источаемый бриаровыми трубками.

В комнате около десяти человек. Все одеты по-разному: кто в деловой костюм, кто – в джинсы и свитер, один мужчина – в некое подобие судейской мантии. Самому младшему из присутствующих около сорока, самому старшему – явно за семьдесят.

Это общество хранителей времени, секта, которая стала для Алексея Николаевича второй жизнью. Или третьей, если считать его «работу» с умирающими отдельной жизнью. Один из постулатов общества хранителей времени – «Падающее – толкать!». Так написал когда-то Ницше, и общество воспользовалось этим советом. Всё держится на сильных духом, а слабые должны быть истреблены, чтобы в итоге получился сверхчеловек. Точнее, чтобы итоговая задача была выполнена.

«О, Алексей Николаевич! – приветствует его человек в судейской мантии. – Вы пришли последним, как же так!..»

«Работа...» – пожимает плечами Морозов.

«Работа – это важно, – соглашается «судья» и продолжает: – Итак, когда все мы снова в сборе, я хотел бы представить вам одного человека, который ранее в нашем обществе не появлялся».

Стандартные законы общества: не тратить время на приветствия и пожимание рук, сразу переходить к делу, если оно есть. Дружеские разговоры и споры на тему судеб мира – потом.

«Итак, Кочинов Максим Андреевич, кандидат в члены общества хранителей времени!»

Кочинов появляется из-за занавеси, закрывающей проход в соседнюю комнату.

Сначала он улыбается, но улыбка тут же меркнет, наткнувшись на серьёзные взгляды членов общества. Кочинову не более тридцати лет, он одет в умопомрачительно дорогой костюм, а на рукавах рубашки Морозов подмечает золотые запонки с драгоценными камнями. Если бы дело происходило в другом месте, Морозов бы уверенно сказал: папенькин сынок. Но кандидатом в участники общества мог стать только человек самостоятельный и многого добившийся в жизни – будь то финансовая или научная сфера. Значит, успешный молодой бизнесмен.

«Максим Андреевич, – говорит «судья», – прошу вас пройти в центр».

Центр – это место посреди комнаты, где все участники общества могут видеть претендента. Морозов не садится. Он стоит, прислонившись к дверному косяку, и думает о своём.

«Итак, Максим Андреевич, первым делом мы должны выяснить, насколько хорошо вы понимаете суть нашего общества. Вопрос первый: как пишется название общества и почему?»

Всё это напоминает Морозову экзамен в институте. Впрочем, его собственная инициация выглядела так же.

«Название общества пишется со строчных букв, чтобы подчеркнуть растворение в потоке времени», – бодро отвечает претендент.

«И что это значит?»

«Мы не должны светиться. Даже если мы пишем название общества, оно не должно выглядеть для стороннего читателя именем собственным».

«Верно. А какова наша цель? Только сразу своими словами, не нужно заученных формулировок».

«Мы храним вещи, которые нам поручают сохранить. Однажды среди этих вещей появится наша вещь, самая главная. Наша задача – дожидаться этой вещи и хранить её в числе других».

«До какого момента?»

«Мы не знаем».

Морозов окончательно отключается от опроса. Он думает о предстоящей командировке, о русском городе Харбине, о слёте потомков русских харбинцев, про который он прочёл в Интернете. Потом – о внучке Кате, о том, что не видел её уже полтора месяца, потому что страшно занят и никак не может добраться до Олега. Как ни странно, он не думает о смерти старика и о других смертях, к которым причастен. Это отходит на второй план перед бытовыми и семейными вопросами.

Алексей Николаевич возвращается в комнату, когда слышит финальные слова посвящения:

«... становитесь нашим соратником до конца жизни».

Значит, он умудрился прослушать даже клятвы. Впрочем, клятвы вторичны в сравнении со множеством документов о неразглашении, которые должен подписать претендент. Общество неплохо защищено юридически. Единственное, что всегда смущало Морозова в обществе, это отсутствие твёрдой цели. По сути, оно являлось обычным мужским клубом, где можно выкурить сигару, поговорить о политике и сыграть в триктрак.

Аплодисменты. Новичка обступают, начинаются расспросы, разговоры. К Морозову подходит человек в судейской мантии.

«Что это вы, Алексей Николаевич, так безучастны сегодня? Не каждый день общество приветствует новых членов».

«Простите, Александр Игнатьевич, думаю о своём. Командировка на днях, боюсь, в течение нескольких дней меня не будет, с восьмого по пятнадцатое июня. Может, даже раньше – со второго по пятнадцатое».

«Куда, если не секрет?»

«В Китай, как обычно. В Харбин на этот раз».

Александр Игнатьевич Волковский, глава общества хранителей времени, едва слышно откашливается, а затем морщины на его лбу прорезываются глубже, чем обычно.

«Алексей Николаевич, пойдёмте в мой кабинет. Как ни странно, у меня есть к вам разговор, связанный с вашей командировкой».

Они минуют бархатную портьеру, проходят ещё ряд комнат.

Щелчок выключателя. Мягкий свет заливает небольшой кабинет, дорого и со вкусом обставленный. Книжные полки, дерево, персидский ковёр, мягкие кожаные кресла, всё в бежевых тонах.

«Садитесь, Алексей Николаевич».

Морозов садится, Волковский подаёт ему рюмку.

«Коньяк?»

«Арманьяк урожая 1889 года».

«Серьёзно».

Волковский улыбается: «Не менее чем мой разговор к вам».

«Я весь внимание».

«Вы, Алексей Николаевич, после меня и Сарковского являетесь самым надёжным и опытным участником общества. Скажите мне честно, вы видите смысл в нашем объединении? Только честно».

Морозов колеблется.

«Всё очень расплывчато. Мы собираемся просто пообщаться, а не во имя некой цели. Возможно, в этом и смысл – в объединении влиятельных в своих областях людей, которые могут оказать друг другу различные услуги».

«Нет, – Волковский качает головой. – То есть это, конечно, прилагается, но есть и более важная вещь. Вы задавали себе вопрос, откуда пришли наши правила и ритуалы? Откуда возникла идея хранить время? Что это вообще значит – «хранить время»?»

«Задавал. И подумал, что лучше оставить эти вопросы без ответа».

«Я дам вам ответ прямо сейчас. Эти странные правила придумал пятьдесят с лишним лет назад человек по имени Исии Такэо. Никто из членов секты никогда не видел этого человека. Он жил в Японии, в префектуре Тиба, и никогда не посещал Советский Союз. Его завещание прошло длинный путь, прежде чем попало в руки основателю общества Александру Семёновичу Войченко. Войченко попал в одну из волн депортации русских из китайского Харбина на территорию СССР и привёз с собой ряд документов, в том числе и эти правила. Как они попали к нему, никто не знал, но подпись под машинописным текстом гласила: Исии Такэо, префектура Тиба, 1953 год».

«Мне знакомо это имя».

«Такэо был старшим братом Исии Сиро, руководителя отряда 731, проводившего опыты над людьми в Маньчжоу-Го».

«Я еду в Харбин...» – протягивает Алексей Николаевич скорее для себя, чем для Волковского.

«Именно. Теперь я расскажу вам ещё кое-что. Выдержки из записей Такэо, которые доступны всем участникам, – это далеко не весь документ. В документе есть указание на то, что Исии Сиро, убегая из Маньчжоу-Го сначала в США, а затем – назад, в Японию, что-то там спрятал».

«Результаты экспериментов?»

«Не думаю. Все результаты он продал американцам за собственную жизнь и свободу. Что-то более важное, чему придавал огромное значение. Судя по записям Такэо, последний узнал об этом уже после войны, хотя работал в Отряде плечо к плечу с Сиро. Сиро рассказал брату о спрятанном артефакте, но очень туманно. Такэо умер раньше, чем Сиро, но именно он составил документ, проливающий хотя бы слабый свет на эту тайну...»

«Что там было спрятано?»

«Мы не знаем. Но это что-то очень важное, в мировом значении. Возможно, бомба, которая одним ударом сотрёт с лица земли Россию. Возможно, универсальное средство от рака. Сиро никогда не бросал слов на ветер, он был хитёр и умён, брат об этом неоднократно упоминает. Такэо написал, что не было и дня, чтобы брат не вспоминал об артефакте».

«Почему он не вернулся за ним?»

«Не было возможности. Он был невыездным. В ту минуту, когда он пересёк бы границу Китая, его бы схватили и судили как военного преступника. Поэтому он ждал подходящего момента – и не дождался. Кстати, Такэо предлагал Сиро поручить кому-либо доставку артефакта, но тот отказался. Или он никому не верил, или это было очень, очень трудно».

«А при чём тут Войченко?»

«Войченко был знаком с Такэо в свою бытность сотрудником советского посольства в Японии. Почему Такэо передал бумаги Войченко, я не знаю. Сиро упоминал, что артефакт как-то связан с русскими, вероятно, поэтому».

«И Войченко, не имея возможности поехать в Китай...»

«...и будучи уже пожилым человеком, организовал общество хранителей времени в надежде на то, что кто-либо сумеет добраться до загадочногоклада Сиро Исии».

В голове Морозова всё смешалось. Клад Исии. Это похоже на сказку, легенду, чью-то глупую выдумку. С другой стороны, разве всё их общество – это не игра в сказку?

Он поднимает глаза на Волковского:
«А мы знаем, где хранится артефакт?»
«Примерно, очень примерно».

Он достаёт с полки неприметную папку и открывает её. Там, запечатанная в целлофан, лежит старая пожелтевшая бумага. Это японская военная карта, точнее, её обрывок.

«Такэо обозначил примерное место захоронения артефакта, которое вычислил со слов Исии».

На карте красуется крестик.

«Почему же вы сами не поехали в Китай?» – спрашивает Морозов.

Волковский печально улыбается.

«Не всё так просто. До распада Союза нечего было и думать о том, чтобы поехать в район Харбина и там проводить какие-либо изыскания. К 1991 году нас, членов общества, было всего четверо, и я тогда был самым молодым и влиятельным, потому что имел отношение к партийным функционерам. Для моих соратников того времени общество было игрушкой, забавой. К 1996 году я мог себе позволить уже довольно многое, примерно тогда в обществе появились вы...»

«В девяносто седьмом».

«Именно. А я поехал в Китай. Я месяц ходил по новостройкам Харбина и ни черта не нашёл, потому что военная карта Такэо ни на йоту не совпадала с современным ландшафтом. Я обошёл всю округу – и ничего. То же самое пытался спустя десять лет сделать Саньков, и у него тоже ничего не вышло, хотя он точно вычислил место, пользуясь Google Maps. Да и у меня была ещё одна попытка».

«И вы хотите, чтобы следующую попытку сделал я».

«Совершенно верно. Мне кажется, что это нечто вроде знака. Вы едете именно туда, в Харбин, и ваша поездка изначально не связана с обществом. Такие совпадения бывают редко».

«И что мне искать?»

«Не знаю. Если бы я знал, я бы уже нашёл».

Вот так, думает Алексей Николаевич, нужно тринадцать лет говорить о погоде, вдыхать табачный дым, любоваться на бархатные интерьеры, чтобы вдруг выяснить, что у общества есть конкретная цель и назначение.

«Но почему это скрывается от членов общества?»

«Потому что их задача – хранить. Мы ещё не достали то, что нужно хранить, но когда достанем – будем хранить».

«Так завещал Такэо?»

«Да».

Волковский делает два шага к двери и добавляет:

«Возможно, мы сможем использовать артефакт для собственных целей. Если Исии так дорожил им, значит, он приносит какую-то выгоду».

«И всё же я не понимаю, почему не вы сами...»

Волковский вздыхает.

«Потому что мне кажется, что это лучше сделает кто-либо другой. Не получится у вас – получится у следующего. Саньков уже совсем старик, он и сюда добирается раз от разу. А вам всего пятьдесят три. Вы станете следующим хранителем общества после моей смерти».

«Я?»

«Вы, Алексей Николаевич. Признайте, что вы всегда это знали».

Да, доктор Морозов, ты всегда это знал, именно так.

5

Мужчину привозят около трёх часов дня. Срочный.

Пятьдесят лет, внутримозговое кровоизлияние. Объективно говоря, уже не жилец, но нужно попытаться спасти.

Когда к тебе на стол ложится заведомо неизлечимый пациент, ты расслабляешься. Тебя не обвинят в его смерти. С другой стороны, ты напрягаешься: если спасёшь – будешь героем.

Алексею Николаевичу трудно оперировать. На него из пустоты смотрят полуслепые слезящиеся глаза Василия Васильевича Маркеева.

Его руки – в крови. Перед ним – открытый мозг. Кадр из фильма ужасов. Автоматически Морозов отмечает, что Максим Серков держится очень хорошо. Идеальный ассистент. Может, нужно отдать операцию ему?

Первого пациента обычно теряют на четвёртом курсе. Пока не начинается постоянная практика, смерть на столе является чем-то из ряда вон выходящим. Когда у тебя умирает по пациенту в неделю, привыкаешь. Нужно, чтобы Серков привык. Он до сих пор воспринимает каждую смерть как собственное преступление.

Операция идёт полтора часа. Сумасшедшая концентрация, вера в победу. Или неверие. В любом случае, они его теряют.

Алексей Николаевич спокойно идёт в свой кабинет, Серков догоняет.

«А родственники?»

«Вот, Максим, вы и сообщите. Учиться и ещё раз учиться».

Максим остаётся стоять посреди коридора. Где-то за стеной – родственники. Наверное, жена, мать, дети. Расскажите им правду, Максим.

Морозов заходит в свой кабинет и вдруг понимает, насколько ему хочется в Китай. Хочется отвлечься от всего, что стало рутинным и скучным.

Если бы он мог, он спасал бы всех. Спасал бы стариков со слезящимися глазами, безволосых от химиотерапии женщин, поражённых болезнью Крейтцфельда-Якоба, мальчишек со СПИДом – всех их. Он спасал бы пациентов-растения, лежащих в коме, и сиамских близнецов со сросшимися лобными долями, он спасал бы, спасал... Но он не может, и потому их нужно освобождать.

Освобождение – более страшная рутина, чем ежедневные операции на головном мозге и на позвоночнике. Поэтому Алексей Николаевич очень хочет в Китай, где придётся всего-навсего читать лекции, слушать вопросы старательных и аккуратных студентов, ходить с важным видом и наслаждаться собственной значимостью.

Телефон.

Вежливо просят Алексея Николаевича.

«Я же тебе сто раз говорил, что это прямой номер, можно меня не звать».

«Я забываю, пап».

Это Олег.

«Пап, можешь Катю у себя потерпеть на следующей неделе до пятницы? А то у нас тут наклёвывается одна поездка...»

«У меня тоже наклёвывается поездка, Олежка. Извини, но мне в Китай».

«Опять?»

«Не опять, а снова».

Алексей Николаевич терпеть не может бессмысленных вопросов, причиной которых является не интерес, а рефлекс.

«Тебе что-нибудь нужно?»

В Китае всё дёшево и сердито.

«Да нет, наверное. Катьке какую-нибудь тряпку купи с национальным узором».

«Я ж привозил уже».

«Да ей всё мало».

«Наташе ничего?»

Наташа – это жена Олега, мать Кати.

«Ну... Тоже».

Здесь полагается поставить смайлик, Алексей Николаевич прямо-таки чувствует его.

«Я понял, хорошо», – говорит Алексей Николаевич.

«Ну ладно, Катя сама тогда как-нибудь справится».

«Большая девочка уже, готовить умеет, одеваться тоже».

«Ещё как. Модница, такая модница».

«Ну, тем более».

Олег усмехается.

«Ладно, пока, пап. Спасибо!»

«Да не за что. Пока».

Так всегда: кратко и по делу. Впрочем, дружелюбно. У Алексея Николаевича и Олега – много проблем, у каждого – свои.

Алексей Николаевич открывает загранпаспорт и рассматривает китайскую визу. Смешная, но красивая: с изображением Великой Китайской стены и ярко-красного лучащегося герба государства. В принципе, ничего особенного. Ещё неделя с небольшим, и Алексей Николаевич уже в Харбине. Мало работы, много свободного времени.

Ни одного пациента.

Ни одного укола сакситоксина.

6

Прямых рейсов Москва – Харбин нет; приходится лететь с пересадкой в Пекине. Первую часть маршрута Алексей Николаевич проделывает на могучем Airbus A330-200 (прибытие в столицу Китая в 9.50), а вторую – на Boeing 737–800. Два часа в пекинском аэропорту становятся маленьким раем: индивидуальная комната отдыха, за которую платит приглашающая сторона, оказывается верхом комфорта.

В 13.30 самолёт садится в аэропорту Харбин Тайпин, крупнейшем в северо-восточном Китае.

Морозов смотрит на стеклянную громаду и забывает обо всём, что оставил в Москве. Забывает мгновенно, за одну секунду, будто всю его будничную жизнь отсекает опасной бритвой.

Он идёт по указателям к залу, где выдаётся багаж. Чемодан, замотанный в красную плёнку, уже ползёт по длинной резиновой ленте, и Морозов подхватывает его практически на бегу, не останавливаясь. В сумке на плече – ноутбук, который он брал с собой в салон. Теперь – дальше, в главный холл, где должен ожидать встречающий.

Табличка «МОРОЗОВ» сразу бросается в глаза. Её держит китаец лет двадцати пяти, одетый в светлые хлопковые штаны и свободную рубашку. Студент или аспирант.

Алексей Николаевич протискивается через толпу и протягивает студенту руку. Тот пожимает её и на вполне приличном русском произносит:

«Здравствуйте, Алексей Николаевич».

Звуки у него получаются немного скомканные, оторванные друг от друга, каждый слог звучит как отдельное слово.

«Добрый день, я говорю по-китайски», – отвечает Морозов.

Студент переходит на родной язык.

«Меня зовут Чжао Си, я буду вашим сопровождающим. Называйте меня просто Чжао».

Они идут к эскалатору.

«Какое у нас сегодня расписание?»

«Сейчас мы едем в гостиницу, и у вас совершенно свободный день. Вы должны хорошо отдохнуть после перелёта, прежде чем приступить к работе».

Морозов думает, что не зря китайцев в шутку называют биороботами. Чжао говорит и движется по заранее заложенному алгоритму. Что будет, если нарушить линию поведения, Морозов не знает. Может быть, Чжао достанет короткий меч-бишоу и вспорет профессору живот. При этой мысли Морозов улыбается.

«Отель «Софител Ванда Харбин», пять звёзд, один из лучших в городе».

«Аренда машины?»

Чжао не сразу понимает вопрос, но затем спохватывается:

«Да, конечно, если вы хотите арендовать машину, мы вам её сразу предоставим. Мы предполагали, что вы будете ездить с шофёром...»

«Я не люблю от кого-либо зависеть. Мне нужен просто ваш номер телефона, Чжао, и более ничего. После того как вы сопроводите меня до отеля, я прекрасно справлюсь сам».

«Хорошо, я передам вам приглашение, карту, расписание лекций – у меня всё с собой».

Понятливый, думает Морозов.

У аэропорта их ждёт не такси, а огромный внедорожник Great Wall Hover апельсинового цвета.

«Институт выделил», – поясняет Чжао. Он забирает у профессора чемодан и кладёт в необъятный багажник.

GPS-навигатор сообщает, что до центра тридцать восемь километров. Морозов откидывается на кресло. Он вовсе не устал, но благодарен китайцам за предупредительность. И в самом деле, сегодня ему совершенно не хочется погружаться в работу.

Чжао ведёт машину молча. Они едут по аэропортовому шоссе, затем по шоссе Чженцзянь, затем начинают плутать по небольшим улицам (Морозов успевает замечать названия, продублированные латиницей: Ксиньянь, Тонгда, Венминг), несколько раз проезжают над железнодорожными путями, минуют большую овальную площадь.

«Завтра у вас встреча с господином И Юном, ректором нашего университета, а также с доктором Дай Мэнфу. Помимо вас, там будут и другие приглашённые специалисты. Господин И Юн кратко расскажет о цели вашего визита, а также задаст вектор ваших выступлений».

Они вежливы, но любят командовать, думает Морозов. Отклонение от вектора означает расстрел.

Большинство автомобилей на улицах Харбина – компактные. Морозову приятно смотреть на них сверху вниз, сидя в салоне высокого внедорожника. У него всегда возникает чувство удовлетворения и превосходства, когда ему удаётся прокатиться, например, на грузовике. Правда, такое бывает редко.

Сдвоенная, подобно сиаемским близнецам, громада «Софитель Ванда Харбин» сверкает на солнце, и Морозову она почему-то кажется колоссом на глиняных ногах. Хотя расширяющееся основание стеклянного небоскрёба выглядит как нельзя надёжным. Просто «Сделано в Китае» – это плохой бренд.

Самое смешное, что даже в Пекине Алексей Николаевич не жил в таких шикарных отелях. Ему снимали апартаменты, номера в обычных гостиницах, но в пятизвёздочном отеле в самом центре города Морозову обитать не приходилось.

Он запрокидывает голову. Солнце, отражаясь в стеклянной плоскости небоскрёба, слепит глаза.

«Софитель Ванда Харбин» напоминает доктору Аннапурну, самую прекрасную гору в мире. Когда-то Морозов мечтал стать альпинистом. Он представлял себе, как стоит на вершине, как в лицо ему светит солнце, как искрится снег под ногами. Как весь мир преклоняется перед ним, покорителем вершин. Он завидовал тем, кто сумел подчинить себе все сорок четыре мировых восьмитысячников.

Он смотрел на фотографии – и почему-то всегда выделял Аннапурну из общего ряда. Не Эверест – самую высокую вершину. Не Чогори – самую опасную. А прекрасную и солнечную Аннапурну, длинный хребет с высшей точкой в восемь тысяч девятьсот один метр.

«Господин Морозов?»

Доктор открывает глаза и смотрит на Чжао. Тот стоит у открытой двери джипа и держит в руке багаж Морозова.

«Да-да, иду».

В принципе, эти секунды забвения ему на руку: теперь китаец думает, что он и в самом деле устал.

Холл отеля уходит ввысь на три этажа. Везде – избыточная, излишняя роскошь, огромное золотое панно на всю стену над стойкой регистрации.

«У вас – номер повышенной комфортности, superior», – поясняет Чжао.

Китайка за стойкой улыбается искренней, на удивление не вымученной улыбкой. За такую улыбку работодатель платит в два раза больше, чем за обыкновенную.

Пока Чжао оформляет номер, Морозов рассматривает рекламные буклеты, разложенные по ячейкам на металлической подставке. Парк Тигров на Солнечном острове, Научно-технический музей провинции Хэйлунцзян, Парк Чжаолинь. Один буклет привлекает внимание Морозова: мемориальный комплекс отряда 731.

Морозов вспоминает всё, что слышал и знает об отряде 731. Когда-то по НТВ он видел документальный фильм. Живые ещё люди с выпущенными наружу внутренностями, фотографии изувеченных различными болезнями «пациентов», строгое и серьёзное лицо начальника отряда – генерала-лейтенанта Исии Сиро. В памяти Морозова что-то путается, на смену отряду 731 приходят кадры резни в Нанкине – сотни изувеченных трупов на улицах города, тысячи изнасилованных женщин, красивое лицо какой-то китайки. Это Айрис Чан, вспоминает профессор, журналистка, написавшая книгу о Нанкинской резне, а затем покончившая с собой от нервного потрясения.

На смену путаным мыслям об Исии и Чан приходит лицо Волковского. Волковский смотрит на Морозова с надеждой. Друг мой, надеюсь, ты сделаешь то, чего не смог сделать я. Я надеюсь, ты вдохнёшь жизнь в эту полувековую бессмыслицу.

«Профессор?»

Чжао уже закончил оформление. Чемодан – в руках у боя.

Они поднимаются наверх, на двенадцатый этаж. Лифтёр подчёркнуто смотрит в стену, хотя стоит лицом к клиентам.

Номер 1215 – шикарный. Огромная кровать, великолепная ванная, две больших комнаты. Морозов всем доволен.

«Прекрасно», – улыбается он Чжао.

Чжао склоняет голову.

«Моя задача – устроить вас как можно удобнее».

Две недели – в таком номере. Одно удовольствие. Морозов считает себя вполне обеспеченным человеком, но крайне редко останавливается за границей даже в четырёхзвёздочных отелях. Предпочитает «три звезды»: лучше сэкономить, а затем потратиться на что-либо другое. Алексей Николаевич непритязателен.

Чжао отпускает боя, давая ему на чай. Затем подаёт Морозову папку с документами.

«Здесь ваше полное расписание и все предварительные материалы, – говорит он. – Завтра я заеду за вами в одиннадцать, вас устроит такое время?»

Морозов кивает: «Конечно».

«Вам необходим арендованный автомобиль сегодня или я могу приехать на нём же завтра?»

«Я и сам могу арендовать машину».

«Мы хотели бы взять расходы на себя».

«Тогда я предоставлю вам чек, и вы его возместите».

«С удовольствием, господин Морозов».

Чжао вежливо прощается и выходит. Алексей Николаевич кладёт папку на стол, потом снимает пиджак и бросает его на кровать. Из кармана вываливается рекламка. Это буклет мемориала отряда 731: Морозов взял его со стойки.

Он поднимает проспект и читает, как добраться до музея. От железнодорожного вокзала Харбина – на автобусе № 343 до конечной остановки, пригорода Пинфань. Всего пятнадцать километров, не более получаса езды. Надо поехать. Или до конференции, или после неё. Морозов ещё не решил. Вопрос в том, сколько времени займут поиски. Вероятность того, что они ни к чему не приведут, гораздо выше вероятности успеха. Но попробовать нужно обязательно.

Он падает на кровать и раскидывает руки. С белого потолка на него смотрит сморщенное лицо старика из пятой палаты. Старик протягивает к Морозову руки, испещрённые точками от шприца, и что-то беззвучно говорит. Морозов закрывает глаза.

«Я всё делаю правильно», – произносит он вслух.

7

Все конференции скучны. Когда-то Алексей Николаевич каждую командировку воспринимал как праздник, но теперь он постоянно думает о том, как же ему надоело произносить заученные речи перед совершенно одинаковыми людьми. Китайские студенты его раздражают отсутствием индивидуальности. Раньше, читая лекции в других городах Китая, Морозов не чувствовал этого так остро, как в этот раз.

Ректор университета И Юн и доктор Дай Мэнфу (оказавшийся главврачом Первой больницы), в принципе, ничем не отличаются ни от Чжао, ни от сотни студентов, сидящих в огромной аудитории перед профессором. Морозова пугает странный, запрограммированный интерес любого китайца к своему делу. Китайский врач думает только о том, чтобы лечить; спортсмен – о том, чтобы заниматься спортом; математик – только о цифрах. Конечно, на самом деле всё обстоит иначе, но Морозов никак не может отвязаться от собственного заблуждения.

Алексей Николаевич очень старается. Старается быть приветливым, открытым и, главное, интересным. Хотя студенты всё равно слушают его молча и что-то записывают в блокнотах или набирают на клавиатурах нетбуков. Это всего лишь инаугурационная речь, не более того, даже не лекция. Лекции начинаются только через три дня.

Когда официальная часть подходит к концу, Морозова представляют студентам, а И Юн кратко излагает, что бы он хотел услышать от русского нейрохирурга, Алексей Николаевич пытается как можно быстрее покинуть здание университета. Его догоняет вездесущий Чжао.

«Господин Морозов, вы так быстро ушли, что господин И Юн не успел передать вам приглашение в гости на завтрашний вечер».

Он подаёт Алексею Николаевичу распечатанное на плотной красной бумаге с золотистой бахромой приглашение отужинать.

«Спасибо, Чжао, – отвечает Морозов. – Передайте господину ректору, что я, несомненно, приду».

«Вам что-либо нужно, господин Морозов?»

«Нет, спасибо».

Машина ждёт его на подземной парковке: это скромный Hafei Saibao, такой же обычный и серый, как все китайские машины. Потоки машин на улицах Харбина сливаются в длинную одноцветную змею с множеством хвостов. Автомобили практически неотличимы один от другого. Чудовищная тенденция современного автомобилестроения, думает Морозов. Одинаковые японцы, одинаковые европейцы, и как вершина – одинаковые китайцы.

После встречи с И Юном к Морозову подошёл профессор Цю Цичан из Хэйлунцзянского университета китайской медицины, самого крупного медицинского вуза Харбина и одного из крупнейших в Китае. Цичан предложил Морозову обзорную экскурсию по своему университету. Традиционная китайская медицина серьёзно отличается от европейской. В университете выделены иглорефлексотерапия и традиционный массаж как отдельные специальности; это интересно. Визит к Цичану Морозов запланировал на послезавтра.

Что делать сегодня – пока непонятно. Морозов решает вернуться в отель и готовиться к первой лекции. Как ни странно, демонстрационных операций проводить не потребуется – только лекции. В какой-то мере это хорошо: меньше напряжения.

Морозов ощущает пустоту и бессмысленность. Это чувство уже накатывало на него раньше, и вот теперь он снова теряет ариаднину нить, которая ведёт его по жизни уже пятьдесят с лишним лет.

Спасать людей от смерти или спасти людей от жизни – основной вопрос. Всё остальное, весь этот Китай, студенты, отели – тлен.

Эвтаназия официально разрешена в Голландии, в Швейцарии, в Бельгии и Швеции. Правда, в последней разрешена лишь пассивная эвтаназия, то есть отключение пациента от аппаратов искусственного поддержания жизни. Вколоть дозу сакситоксина там тоже никто не позволит. Зато позволят в США – в Калифорнии, Монтане или Орегоне.

Как может быть в одной стране преступлением то, что считается благодеянием в другой? Алексей Николаевич хорошо помнит, как разрешали эвтаназию в Швеции. Одной из первых пациенток, потребовавших отключить себя от аппарата искусственной вентиляции лёгких, стала тридцатидвухлетняя парализованная женщина. Это произошло 5 мая 2010 года, совсем недавно. Почему этой женщине можно решить собственную судьбу, а старику из пятой нельзя? Чем он хуже?

В глубине души Алексей Николаевич понимает, что всё это не более чем оправдание. Но ничего не поделаешь. Каждый несёт свой крест.

8

Он сидит в отеле и раздумывает над картой.

В девяносто седьмом Волковский вряд ли смог бы найти загадочный тайник Исии. В его распоряжении были разве что современные карты района. Конечно, он не сумел грамотно совместить карту военного времени с новой застройкой.

А вот у Санькова такая возможность была. Ему не хватило лишь воображения. Саньков совместил карты посредством компьютерного наложения и вычислил координату по Google Maps. Он обыскал весь квартал, обошёл каждый двор – и ничего не нашёл. Он спускался в канализацию, обыскивал подвалы, расспрашивал местных и даже привлёк к себе внимание патрульных, которые отконвоировали его в участок и долго допрашивали, подозревая в шпионаже. Все эти старания и страдания прошли даром.

Морозов же отметил, что координаты, найденные Саньковым, всего на километр отстояли от координат «ящика смерти». Он сказал об этом Волковскому перед поездкой.

«Возможно, это ошибка», – ответил тогда Волковский.

«Погрешность», – поправил его Морозов.

Исии Такэо понимал, что ни зданий основного комплекса, ни «филиала» уже не существовало: их взорвали при отступлении. Поэтому он просто поставил на карте крестик. На карте, где не был отмечен никакой «ящик смерти», никакой склад. Всё-таки это была секретная база. Отметка легла с некоторой погрешностью, плюс наложилась определённая ошибка Санькова. В итоге местоположение «ящика смерти» и местоположение тайника разделились и стали двумя разными точками.

Алексей Николаевич сделал смелое предположение.

«Это одно и то же место, – сказал он Волковскому. – Нужно искать под «ящиком смерти».

И уехал в Харбин.

Теперь Морозов смотрит на дисплей ноутбука и пытается собрать пазл. У него есть бумажная карта Харбина, купленная в отеле. У него есть скан военной карты Исии Такэо. Есть координаты Санькова. Есть координаты «ящика смерти». Пазл складывается легко. Идти на северо-восток от месторасположения отряда 731 в гущу жилых кварталов. Найти мемориальную табличку. Искать вокруг неё. Возможно, это займёт не один день. Возможно, это займёт десять минут – кто знает.

Круг поиска сузился до точки.

9

Визит к И Юну назначен на восемь вечера. Времени много, и Алексей Николаевич раздумывает, отправиться ли ему на прогулку по городу или посетить музей отряда 731. Теперь, когда есть автомобиль, он не зависит от автобусов и может поехать туда в любое время. Судя по буклету, сам музей довольно скучен, но главное – не экспозиция, а настроение. Ощущение того, что именно в этом месте генерал-лейтенант Исии Сиро отдавал страшные приказы своим подчинённым.

Пинфань выигрывает у Харбина. Морозов засовывает буклет в карман пиджака и спускается вниз, к машине.

Добраться от отеля – удобно. Почти всё время приходится ехать по одной улице – шоссе Хапинг, которое переходит в национальную дорогу № 202, а затем – в шоссе Ха Ву. Ещё немножко плутания по Харбину, и Морозов на месте: улица Цзиньжиянь, дом двадцать один. Это административное здание, единственное из целиком сохранившихся с 1945 года строений лабораторного комплекса.

Несмотря на то, что светит яркое солнце, на небе нет ни облачка, а само здание выкрашено в жёлтый цвет, оно производит мрачное впечатление. За чёрной оградой – асфальтовая дорожка, упирающаяся в массивный навес главного входа в административный корпус. Здание широкое, более ста пятидесяти метров на глаз. При этом «в глубину» оно достигает едва ли десятка метров.

Алексей Николаевич представляет, как Исии Сиро выходит на огромный балкон второго этажа и смотрит вдаль. Впрочем, такого никогда не было: это не более чем фантазия. Морозов достаточно знает об Исии, чтобы понимать: в японском бактериологе не было ни капли романтики.

Справа от подъезда – гранитная плита с кратким рассказом об отряде 731. Морозов пробегает по ней глазами: ничего особенного, в «Википедии» информации и то больше.

Он оглядывается: музей окружён плотной городской застройкой. Шестьдесят лет назад он стоял в чистом поле.

Левая часть административного корпуса и площадка перед ним отделены забором. Слышатся детские крики, шум, визг. Алексей Николаевич не торопится идти в здание музея. Он подходит к забору, заглядывает за него. Играют дети. В небольшом парке под сенью деревьев – металлоконструкции игровой площадки, горки, лестницы, паровозики и машинки на пружинах. Начальная школа или детский сад – там, где полвека назад детей вскрывали заживо. Где из их тел извлекали одно лёгкое и смотрели, сколько ребёнок может прожить на другом. Где детям обмораживали ноги, чтобы сравнить скорость обморожения со взрослым организмом.

Морозов дотрагивается до забора. Они не знают, они ничего не знают. Дай бог им никогда не узнать.

Здесь же – единственная сохранившаяся караульная. Небольшое кирпичное здание с высокой печной трубой. Караульные на других воротах успели взорвать.

Алексей Николаевич заходит внутрь основного здания. Тишина, пустота, дама средних лет в билетной кассе.

По бокам – стенные барельефы из тусклого металла. К посетителю тянутся стальные руки замученных работниками отряда 731. Морозова передёргивает.

Вход оказывается свободным: платить нужно только за электронного гида или за экскурсию. Алексей Николаевич не берёт ни буклет у кассы, ни тем более электронного гида. Он просто идёт вперёд, по стрелке «Начало экспозиции». В нескольких местах он видит пиктограмму «Фотосъёмка запрещена». Фотоаппарат он в любом случае забыл в машине.

В первом зале – макет территории отряда. Вот корпус «ро», вот административное здание, вот котельная, казармы, синтоистский храм. Они ходили в храм, эти странные люди, а потом убивали себе подобных, резали, вскрывали заживо, замораживали, иссушали. Макет – под стеклом. Алексей Николаевич проводит по стеклу пальцами, оставляя жирные разводы. Руки мокрые: жарко.

На стенах – фотографии. Архивные, как обычно. Морозову становится очень скучно.

Он сразу вспоминает Москву, музейный комплекс на Поклонной горе. Огромное здание, в котором практически нет экспонатов. Покрытые золотом перила и стены, а смотреть не на что. Даже стол, за которым во время конференции в Тегеране сидели Сталин, Черчилль и Рузвельт – за стеклом, чтобы никто не осквернил реликвию своим прикосновением. Сразу же – на контрасте – всплывают в памяти американские музеи, где можно посидеть на том же стуле, на котором сидел Линкольн, и пририсовать усы к отпечатанному специально для этого портрету Эйзенхауэра.

За стеклом – личные вещи охранников и заключённых. Скальпели, пилы и зажимы – то ли медицинские приборы, то ли орудия пыток. Их очень мало, они обгоревшие, помятые, испорченные.

Морозов переходит в следующий зал. Здесь – диорамы в натуральную величину. Странные, из какого-то серого пластика.

Вот за столом сидит мужчина с закатанным по локоть рукавом. Вокруг него три врача. Один держит шприц иглой вверх: выпускает лишний воздух. В углу той же комнаты, обхватив руками колени, сидит девочка. Она ждёт своей очереди. Что ей введут? Возбудитель чумы? Сибирской язвы?

На другой диораме два врача копаются внутри женщины. Именно «копаются» – другого слова Алексей Николаевич придумать не может. Может быть, она жива? Сложно сказать: фигуры диорамы молчат.

Вот люди, которые отбирали жизнь во имя науки. Насколько корректно отбирать жизнь одного человека во имя жизни другого? Те, на ком испытывали фарфоровые бомбы с возбудителем газовой гангрены, умерли зря. Но зря ли умерли люди, благодаря смерти которых выяснили потолок высоты для лётчиков? Благодаря смерти которых научились лечить обморожение? Нашли вакцину от чумы? Они умерли зря?

Алексей Николаевич думает о том, как бы поступил он, появившись у него возможность проводить опыты на людях. Скажем, на наркоманах и бомжах, на отщепенцах. Или на преступниках, приговорённых к смерти. На серийных убийцах.

Есть и другая сторона. Объекты опытов мучились. Не от этого ли он спасает людей уже десять лет? Не от мучений ли – простым уколом?

Зал диорам погружает Морозова в раздумья. Он рассеянно проходит здание насквозь и попадает в длинный полутёмный коридор. На левой стене – мраморные таблички с именами. Имен мало – гораздо меньше, чем погибших тут людей. Но всё-таки имена есть. Китайские, корейские, монгольские. И русские. Морозов читает фамилии – Петров, Демченко. Когда-то этот Демченко держал в руках автомат, может быть, охранял границу. Сегодня его имя – на Стене Памяти. Может, это тот самый русский, который возглавил мятеж узников летом 1945 года. Может, это его застрелили через решётку. Не вскрыли заживо, не отравили какой-нибудь дрянью, а просто расстреляли – как настоящего человека.

Алексей Николаевич выходит во внутренний двор. Сохранилось очень мало. От большинства зданий остались только фундаменты. Возвышается мощная стена бывшей котельной. Она устояла благодаря трём трубам, которые почти не пострадали от взрывов. Только центральная обломана посередине.

Длинное полуразваленное здание справа – бывший питомник для лабораторных крыс. Четыре ряда накрытых решётками клеток. Раньше это здание было длиннее, но деревянная часть сгорела дотла.

Морозов подходит к одному из фундаментов. Это руины здания № 6 – одной из бактериологических лабораторий. Здания под номерами три, четыре, пять и шесть были углами того самого корпуса «ро».

В ста метрах – обычный жилой дом, напоминающий советскую хрущёвку.

Морозов идёт дальше, идёт мимо домов, прямо по улице, машина остаётся где-то далеко позади. Мир продолжает вращаться. Знают ли люди, живущие в этих домах, что когда-то здесь пытали их соотечественников? Наверняка знают. Сложно жить около музея и ни разу в него не зайти.

В груди Морозова – пустота. Со стороны кажется, что он не знает, куда идёт.

Но мы знаем, куда идёт Алексей Николаевич. Он идёт на северо-восток от музея отряда 731.

10

Миновав несколько улиц, Алексей Николаевич достаёт из внутреннего кармана пиджака сложенные в несколько раз распечатки. Первая – это копия карты, составленной Исии Такэо. Вторая – снимок из Google Maps, на который нанесен крестик в соответствии с военной картой. Названия улиц подписаны, но застройка вокруг плотная и однообразная. Остальные распечатки – это фотографии комплекса 731 и информация о местонахождении дополнительного блока – того, где располагался так называемый «ящик смерти». В том месте должна быть мемориальная доска или даже небольшой монумент.

Теперь Алексей Николаевич беспокоится, как бы не заблудиться: дома и улицы похожи как близнецы-братья. Смотрит на часы: с того момента, как он покинул музей, прошло около часа. Нестерпимо хочется пить.

В ближайшем киоске он покупает минеральную воду. По сути, Пинфань – это трущобы Харбина. Вокруг бегают чумазые полуголые дети. Кто-то вешает бельё. Убогие одноэтажные домишки, слепленные из того, что было под руками, чередуются с советскими хрущёвками.

Название ближайшей улицы кажется ему знакомым. На карте оно тоже есть. Где-то тут располагался филиал комплекса 731, совсем неподалёку. Что искать в этих дворах? Разве что хулиганов, которые отберут кошелек у туриста, забравшегося в трущобы. И скромную мемориальную доску.

Собственно, вот она. На обычном многоэтажном здании. Будто тут жил какой-то известный человек. Но тут никто не жил: тут умирали. Где-то здесь, в районе этого дома, находится тайник Исии. Морозов ищет канализационный люк, но не находит. Впрочем, верно. Скорее всего, проведённая после войны канализация каким-то чудом «обошла» тайник, иначе о нём бы трубили весь мир. Смотря, что там находится.

При мысли о канализации Морозов чувствует, что срочно нужно зайти в туалет. За одним из домов он видит строительный вагончик, стоящий практически в упор к серой бетонной стене. Между вагончиком и стеной – около полутора метров. Можно спрятаться и облегчиться.

Морозов обращает внимание, что стена всё-таки не из бетона. Это грубая штукатурка; под ней кирпичи. Кладка старая, никак не меньше века. Ему представляется книга «Тайны Харбина» со стеной на обложке. По облупившейся краске можно отследить все «археологические слои».

Из-за вагончика выбегает мальчишка в грязной рубашке, холщовых штанах и сандалиях на босу ногу. Он точно из позапрошлого века, дитя трущоб. Смотрит на доктора, бежит прочь.

Чёрт, думает Морозов. Там у них логово, не уединишься.

Тем не менее Алексей Николаевич неуклюже засовывает бутылку с водой в карман брюк и заходит за вагончик. Ему становится легко и хорошо. Хочется быстрее вернуться к машине и уехать из Пинфаня. Нет, он не жалеет, что приехал. Просто хочется в отель, под душ, поваляться на кровати, почитать книгу.

Он выбирается из-за вагончика, и тут прямо перед ним из-под земли появляется голова. Морозов останавливается. Это ещё один мальчишка. Он что-то кричит первому, который, оказывается, стоял неподалёку и пялился на Морозова.

Второй мальчишка окончательно выбирается, оглядывается на доктора и бежит к товарищу. Они ещё раз смотрят на Алексея Николаевича и исчезают где-то за домом. Морозов рассматривает дыру, откуда только что выбрался мальчик. Просто отверстие в земле, слишком узкое для взрослого мужчины. В этот момент его нога проваливается – выше колена. Морозов рефлекторно пытается вырвать ногу, хотя знает, что делать этого нельзя: можно застрянуть ещё сильнее, повредить кожу или артерию.

Рывок не проходит даром: проваливается и вторая нога. Верхняя часть тела профессора – над землёй, за вагончиком, руки шарят по грязи и мусору. Нижняя – болтается в воздухе, под ним – пустота. Алексей Николаевич собирается закричать – и тут же проваливается полностью.

Он успевает сгруппироваться в полёте и приземляется удачно, на обе ноги, перекатывается. Сверху бьёт свет, он пролетел около пяти метров. Очень неплохо. Чудом ничего не сломал.

Он встаёт. Похоже на подземные коммуникации, только очень чистые. В том смысле, что здесь лишь пыль, никакой воды или жидкой грязи. Маленькая комнатка с сетчатым полом и раздвижными дверями. Морозов светит себе телефоном: на полу следы маленьких ног. В углу – свалка какого-то барахла; похоже, мальчишки устроили здесь что-то вроде склада.

«Это лифт», – осеняет Морозова.

В этот момент лифт срывается вниз. Морозов успевает среагировать и на этот раз: он хватается за рукоятку на потолке. Один рывок, второй, лифт то застревает, то снова начинает съезжать вниз. Глухой удар: всё, приехали.

Алексей Николаевич достаёт мобильный телефон и смотрит на экран: сигнала нет. Он включает встроенный фонарик, мысленно благодаря создателей телефона. Между раздвижными дверями лифта – щель. Как ни странно, Алексей Николаевич легко раздвигает двери. Точнее, отодвигает правую створку. Судя по всему, в ней повреждён фиксационный механизм.

Он оказывается в маленькой комнате странной формы. Ни двери, ни окна в ней нет: только лифт, на котором только что «приехал» профессор. От дверей лифта до противоположной стены всего два шага. Морозов оборачивается. Лифтовая панель выглядит непривычно: выломанный с корнем рубильник, болтающиеся провода. Профессор освещает потолок и пол. На полу – бетонная крошка, мусор, исковерканные куски арматуры, оплавленные обрывки металла. Он смотрит наверх.

Это бронеплита, выехавшая из потолка. Через неё не пройти никаким образом. Единственная дорога – обратно в лифт.

И вдруг Морозов понимает, что ему повезло. Повезло так, как не везло ни Санькову, ни Волковскому. Он что-то нашёл. Возможно, этот бункер не имеет никакого отношения к Исии Сиро и завещанию Исии Такэо. Но похоже, что он с первого же выстрела попал в яблочко! Впрочем, он стрелял прицельно.

Его гложет любопытство. Судя по всему, в бункере не было посетителей несколько десятков лет. Тем не менее вентиляция в порядке: дышать легко, хотя воздух кажется затхлым.

Алексей Николаевич освещает потолок на другом конце комнаты. И понимает, что вентиляция тут совершенно ни при чём. В потолке и верхней части бронеплиты – сквозное отверстие с рваными краями. Снаряд. Поэтому всё помещение засыпано мусором. Какой же толщины стены и бронеплита в этой комнате, что разорвавшийся внутри снаряд лишь проделал дыру, а не обрушил всё к чертям?.. В любом случае, так можно попасть внутрь основного помещения.

Нижний край дыры – как раз на высоте вытянутых рук. Алексей Николаевич не в самой плохой физической форме, но с подтягиваниями у него были проблемы даже в юношеском возрасте. Он зажимает мобильник-фонарик во рту, хватается руками за рваный край и начинает подтягиваться. Выше, выше, ноги скользят по гладкой поверхности. Усилие, ещё усилие.

Он соскальзывает. Одна рука окровавлена.

Профессор думает. Затем снимает пиджак, перекладывает деньги из внутреннего кармана в брюки и забрасывает пиджак на край дыры, будто верёвку с крюком. Ткань трещит, но рукав пиджака цепляется за что-то с первого раза. Это рискованно: ткань может не выдержать. Впрочем, это дорогой костюм из хорошего материала.

Он ползёт по пиджаку, как по верёвке, цепляется локтем за край дыры, обдирает его. Снова спрыгивает.

Новая идея: он расстёгивает манжет на пиджаке. Спасибо модельеру за нестандартный подход к покрою. Теперь он ставит в рукав ногу, точно на ступень верёвочной лестницы. Хватается руками и подтягивается, одновременно отталкиваясь ногой. Ткань трещит, лопается, но он уже перевалился через край дыры, царапая живот. Осталось только развернуться и слезть с другой стороны.

Когда Алексей Николаевич тяжело плюхается с другой стороны стены, он чувствует себя чудовищно усталым. В сердцах он ругается. Нецензурное выражение эхом расплзается по помещению.

Алексей Николаевич оборачивается и видит в темноте несколько огоньков. Два красных, два белых, синий. Фонарик телефона не достаёт жиденьким лучом до источника огоньков. Морозов делает шаг и спотыкается обо что-то. Он едва не падает, едва не роняет телефон. Светит вниз. Это осколки бомбы и крупные куски арматуры. Ничего особенного.

Он направляется к огонькам. В дальнем углу помещения что-то мерно гудит.

В центре комнаты – странная конструкция. Она похожа на саркофаг, изнутри стеклянная поверхность покрыта изморозью. В свете фонарика ничего не разглядеть.

«Если есть электричество, значит, есть свет», – говорит Алексей Николаевич вслух.

Когда слышишь свой собственный голос, становится спокойнее.

Он обходит помещение, подсвечивая стены телефоном. На одной из стен – переключатель. Морозов дёргает его и не ошибается. Загорается свет. Тусклый, неуютный. Лампы расположены на стенах и на потолке. Морозов осматривает комнату.

И ему становится жутко.

В дальнем углу – гудящая машина. Наверное, генератор.

У правой стены – шкафчики, столы с колбами и какимито растворами.

В центре комнаты – странный саркофаг.

А прямо у ног Алексея Николаевича на коленях, согнувшись в три погибели, сидит иссохшая мумия, сжимающая в руках винтовочный штык.

«Он сделал харакири», – говорит Морозов вслух.

Как и большинство обывателей, Морозов путает харакири с сэппуку.

Но мертвец не так интересует профессора, как саркофаг в центре помещения. Кто может лежать в нём? Перед глазами Морозова проплывают кадры из американских кинофильмов – «Чужой», «Хищник».

Нет, нет, там человек, не иначе.

Руки доктора ложатся на пульт. Он протирает циферблаты рукавом рубашки. Индикаторы, кнопки. Вот давление: обозначено в паскалях, латиницей. Собственно, кроме нескольких обозначений единиц измерения, надписей на пульте почти нет.

Назначение одного из рычагов сразу понятно. Большая рукоятка справа. Ручка красного цвета. Экстренное открывание. Или умерщвление спящего?

Это моральная дилемма, которая гораздо сложнее вопроса о необходимости эвтаназии. Выбраться, вызвать власти? Скрыть факт нахождения бункера от всех, даже от членов общества хранителей времени? Рассказать всё Волковскому?.. Отдать славу другим?

Какую славу, доктор Морозов. Никакой славы.

Он берётся за рычаг и аккуратно опускает его вниз. Циферблаты оживают. Загораются несколько лампочек. Морозов присматривается: стрелка на индикаторе давления с черепашьей скоростью ползёт вверх. Процесс запущен.

Ему хочется сидеть и смотреть на саркофаг, пытаясь угадать, что находится внутри. Точнее, кто. Но он понимает, что это может занять и час, и два, и даже больше. Судя по всему, стрелки на всех индикаторах должны добраться до обозначенных зелёных зон. Да, времени – хоть отбавляй.

Он осматривается и замечает, что в помещении два трупа. Морозов подходит ближе. Вторая мумия – женщина. Длинные волосы, полуистлевшее платье. Она лежит перед покончившим с собой мужчиной. Морозов чудом не наступил на неё, когда искал выключатель.

Саркофаг за спиной пытит и щёлкает.

Морозов подходит к стеллажам и шкафам у дальней стены. На столе – стеклянные пробирки, что-то вроде перегонного куба. Раскрытая тетрадь с японскими иероглифами. Когда Морозов касается её страницы, та рассыпается в прах. Он открывает ближайший шкаф: аккуратно сложенные тетради и книги. Лишь одна полка – почти пуста. На ней – чертежи. Морозов аккуратно извлекает их, но вдруг понимает, что они не бумажные. Что они не рассыпаются под его пальцами.

Более того, все надписи на них сделаны на английском, а на некоторых мелькают и русские слова. Он кладёт перед собой верхний чертёж: на нём изображено что-то вроде саркофага, находящегося в центре зала, только явно более современного. Алексей Николаевич ловит глазами слово «анабиозис» и пытается разобраться в чертежах.

От этого занятия его отвлекает звонок – резкий, металлический. Морозов оставляет чертежи и подходит к оживающему саркофагу. Скрип, скрежет, сыплется пыль. Из саркофага валит холодный пар. Морозов смотрит на часы: прошло больше часа.

Крышка поднимается рывком.

Когда пар рассеивается, Алексей Николаевич видит, наконец, тело в саркофаге.

Это девушка. Темноволосая, с орлиным носом, с красивым телом. Она обнажена.

Алексей Николаевич неловко протягивает руку и касается ледяной кожи. Жива девушка или нет – непонятно. Наверняка перед открыванием нужно было что-то сделать. Например, повысить давление. Или понизить.

Это сенсационное открытие. Анабиоз.

Если Исии Сиро знал об этой комнате – почему он не разработал подобную конструкцию, когда работал в США? Ведь он умирал от рака – анабиоз мог стать шансом для него. Пусть у Исии и других сотрудников отряда 731 не было возможности посетить места былой «славы» после войны. Китай ненавидел их, Китай не мог их простить. Но свою голову Исии унёс целой и невредимой. Неужели он не мог построить второй агрегат?

Морозов делает два шага назад и натывается на стул. Очень вовремя. Он садится.

Анабиоз – это решение проблемы эвтаназии, раз и навсегда. Человека можно замораживать на неопределённый срок – до того момента, когда лекарство от его болезни будет найдено. Шестьдесят пять лет китайские подземелья хранили тайну, которая может перевернуть мир.

Девушка, жива ли девушка?

Морозов возвращается к столу с колбами и медикаментами. Большинство не маркировано вовсе или помечено японскими иероглифами, которых Морозов не понимает. Он открывает второй шкаф, третий, четвёртый. В двух – пыльные бумаги, папки с документами. В одном – лекарства и препараты. Он пытается понять, что нужно взять. Нашатырь? Он не мог не испариться за шестьдесят пять лет – даже сквозь стекло.

Но он не может ничего понять. Нужно ли что-то вводить девушке? Не нужно?..

Но тут его размышления прерываются звуками за спиной. Морозов оборачивается. Он видит руку, свисающую с саркофага. Пальцы шевелятся.

Морозов бежит к девушке и понимает, что её нос, рот, остальные отверстия закрыты трубками для подачи и отвода веществ. Он аккуратно, одну за другой, вынимает трубки. Девушка уже не дёргается, её дыхание стало ритмичным, хотя и слабым. Морозов осторожно берёт её на руки. Он замечает койку слева от саркофага и перекладывает просыпающуюся туда.

Что у него есть? Бутылка воды. Лекарства с непонятными этикетками, и каждому больше полувека. То есть у него нет ровным счётом ничего. Он не может оставить её здесь. И сил перенести её у него тоже не хватит. И в этот момент она поводит головой.

Доброе утро, незнакомка, пора вставать.

Он отодвигает пальцами веко, смотрит на зрачок. Всё в порядке, не сужен, не расширен. И тут она моргает. Он отдёргивает руку, а она смотрит на него. Никакого удивления: разумный спокойный взгляд.

У неё славянские черты лица. Он спрашивает:

«Are you okay?»

«Okay», – шепчет она едва слышно.

«English, русский, zhōngwén, polski?» – Он перечисляет все языки, которые знает.

«Русский», – отвечает девушка.

«Кто ты такая?»

«Пить», – говорит она.

К месту приходится поллитровка минералки, купленная незадолго до падения. Он открывает бутылочку и поит девушку, придерживая её голову. Самостоятельно она двигаться пока не способна.

«Кто я?» – спрашивает она.

«Я не знаю. Ты должна знать это».

Её голова перекачивается справа налево. Мыслительные функции ещё не восстановились в полной мере. Она стонет. А потом отчётливо произносит:

«Я – Майя».

«Майя?»

«Майя».

Морозов неожиданно осознаёт, что на ней ничего нет. Он осматривается вокруг – никакой одежды нет. Морозов снимает свою рубашку – запylённую, потную – и накидывает на неё. Жалко, пиджак остался с другой стороны стены. Ну хоть так. В развёрнутом состоянии рубашка едва прикрывает её наготу. Девушка высокая.

Её взгляд снова становится осмысленным.

«Какой сейчас год?»

«Две тысячи десятый».

«Чёрт».

«А какой тебе нужен?»

«Другой».

«Меня зовут Алексей... – Он решает, что отчество здесь ни к чему. Она старше его: её заморозили ещё до его рождения. – ...Алексей Морозов. Я врач».

Она замолкает. Он представляет, как должны сейчас путаться её мысли. Поэтому он молчит: пусть девушка успокоится, хоть немного придёт в себя. Через несколько минут молчания она задаёт новый вопрос.

«Мы в Пинфане?»

«Да, в Пинфане».

«Мне нужно... мне нужно...»

«Что?»

«Там, в шкафу – чертежи».

«Чертежи чего?»

«Анабиозиса».

«Это саркофаг, в котором ты была?»

«Да. Я... сколько мне лет на вид?»

«Лет двадцать-двадцать три».

Она улыбается.

«Сколько ты спала?» – спрашивает он.

«Долго».

«В каком году тебя заморозили?»

«Во время войны. В самом конце».

«В сорок пятом?»

«Да».

Он считает в уме. Шестьдесят пять лет сна.

Снова тишина. Он не считает правильным задавать ей вопросы. Она не пытается подняться, да сейчас это вряд ли получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.